
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александр Балтин
(г. Москва)

К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГОНЧАРОВА

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской
литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

1

Райский уже фамилией своей наводит на определенные ощущения...

Учеба в университете и недолгая армейская служба заканчиваются вольным существованием в недрах золотой молодежи: с музицированием, сочинением романа о жизни.

Жизнь выльется из разных источников, заполняя русла романа: не того, который пишет Райский, но того, что сочиняет Гончаров.

...вечно молодое вдохновение и жизненная усталость, сквозящие в глазах Райского; сильно сделанный Волохов, точно вторгающийся в жизнь из бунта; чудная бабушка...

Люди, наполненные соком жизни: вернее — ее разнообразными соками; и неторопливое письмо Гончарова, достигающее апогея в самом знаменитом его романе...

Илья Ильич не хочет вставать — а зачем? Дрема течет так сладко, все окутано ею...

Кажется, Штольц написан искусственно, а естественность жизни — это и есть Обломов, Илья Ильич, никому не делавший зла, сам добрый, теплый, большое дитя.

Так жить нельзя? Но Обломов задумывается, зачем он помнит, что в каком-то древнем году один царь разбил другого, а зачем живет — не знает...

В Обломове отсутствует созидательная стихия: включить бы ее, и... Но никакого «и» — не последовало; однако, кажется, почему-то, что многие черты Обломова Гончаров списывал с себя...

Один из центральных персонажей глобального русского эпоса со множеством голосов, Обломов давно живет среди нас, призывая к доброте и парализуя ленью, показывая абсурдность многих сует, и отрицая собою избыточность не нужных действий...

2

Область Обломова — сладкое, сонное, сытое... Нечто вертится, варится, но только в сознание Обломова; в жизни же — главное не вставать, пригревшись в тепле постели, приняв лежание альфой бытия...

Бездействие, как не-совершенство греха,— нечто восточное, самопогруженное, созерцательное произвольно прочитывается в обломовских безднах.

Свистящая, непоседливая сила Штольца, как противоположность,— но она, буд-

то искусственна, дана как умозрительный противовес, а настоящее — это барское, царское, спокойное время Обломова.

Вероятно, сам Гончаров имел в характере многое, от построенного им глобального образа; чувствуется, как писатель растекался сладостно страницами, создавая обломовский миф; а потом являлась необходимость живописать Штольца, и — собирався с силами, выгравировал резкое, деловое.

Обломов добр. Обломов мягок. Он нерешителен в такой же степени, в которой сон не сможет подвинуть явь, где необходимо действовать. Двойственность всего отражена образом великолепно: действуя, обретаешь потери, в бездействии теряешь возможность обретения дальнейшего.

Сонное, сладкое, сытое...

Обломов не делает зла. Он не построит жизнь — просто проплывет ее на нежных волнах вечной неги. Стружки очень русского впечатления в лежание Ильи Ильича, в его век, тянущийся медленно, будто часы отменены...

Замечательный «Обрыв», славная «Обыкновенная история», актуальная и сегодня: сколько иллюзий придется потерять каждому, вклиниваясь в жизнь, изучая ее собою; но Обломов выситя шедевром своеобразия русскости — одной из ипостасей оной — которую не отменить.

3

«Фрегат «Паллада» движется по водам времени на парусах правды, и движение это, давнее немало стольким поколениям читателей, связано с недрами душ даже больше, нежели с географией.

Гончаров пишет плавно, постепенно, внимательно фиксируя множественные детали мира; он увлекает в речь, как был вовлечен в путешествие, и его пышное наполнение богато изливалось на хорошо проветренные и чисто освещенные страницы.

Путешествие! Сколько смыслового зерно сконцентрировано в этом слове! Сколько надежды и счастья... Оно совмещает романтизм и реализм — а ни без того, ни без другого жизнь не обойдется. И то, и другое щедро подарено фрегатом, названным в честь богини мудрости.

И мудрость вложена уже в самую повествовательную манеру Гончарова. Мудрость, богатство красок, тонкость оттенков.

И плывет, и плывет фрегат, множа читательскую радость.

4

Атомы «Обыкновенной истории» слишком привычны и в наше время — уровень романтического мировосприятия быстро разобьется о прагматизм.

Давящий прагматизм мира!

Как он работает, видоизменяя человеческую душу, мощно показано Гончаровым: ибо современность — в определенном смысле — царит всегда.

Главная область гончаровского континента, конечно, обломовская.

Пресловутый Илья Ильич! Добрый, умный, сонный; яро противостоящий ему Штолец: тоже прагматизм, но в гуманистической упаковке. Обломов написан роскошно — с обилием сочных деталей, даже с соком еды, текущим с иных страниц.

Странная ассоциация: Обломов — и не-деяние буддизма, как стремление к чистоте. Очевидно, что Гончаров, живописуя очень характерный русский типаж, не вкладывал такого значения. Но ведь действительно — Обломов хорош. Невозможно представить его совершающим подлый поступок. Разве не замечательно? Однако, жизнь, тяготеющая к тотальному сну, не выразит себя никакими свершениями.

...но возвышается монументально роман, и плывет «Фрегат «Паллада», и цветут образы «Обрыва», и в метафизические небеса встроенный суммарно свод И. Гончарова не меркнет...

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

**«О ВЕЧНОМ ПРИМИРЕНИИ И ЖИЗНИ
БЕСКОНЕЧНОЙ...»**

(к 160-летию создания романа И. С. Тургенева
«Отцы и дети»)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1861) — одно из вершинных достижений отечественной классики. Его внутренний свет не потускнел под налетом хрестоматийно-школьного глянца и вульгарно-идеологических трактовок, в том числе и режиссерско-постановочных. Несмотря на кажущуюся доскональную изученность, вот уже более чем полтора века не угасает стремление к постижению бесконечно богатого образного мира романа; не прекращаются попытки проникнуть в его «святая святых».

Конфликт поколений в «Отцах и детях» с поверхности текста переходит во внутренние, глубинные пласты, в сферы внетекстовые. За внешней сюжетной основой встают вопросы религиозно-философские, и главный из них — о сокровенном смысле жизни. Размышления о ее мимолетности; сознание того, что каждый неизбежно встретит смерть один на один: «Старая штука смерть, а каждому внове» (7, 182); метафизическое одиночество (философия «космического пессимизма»), свойственные складу тургеневского художественного мышления, постепенно преодолеваются на путях признания высшей трансцендентной сущности человека.

Тургенев уверен, что «только с духовным началом, с идеалами может так глубоко сочетаться наш дух, наше мышление» (I, 436). Ощущение причастности к всеобщей вселенской гармонии Божьего мира расширяет духовные горизонты личности. Человек не столь трагически переживает свою «временность» и «конечность», предчувствуя свою родственность чему-то «высшему» и «вечному».

Без образа Божия жизнь безбожна, безобразна и безобразна. Отсутствие веры писатель признавал как неполноценность, ущербность, обделенность и обедненность личности. Графине Е. Е. Ламберт Тургенев писал: «Да, земное все прах и тлен — и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру — имеет все и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что я сам принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды <курсив мой. — А.Н.-С.>» (III, 61).

Христианские упования писателя нашли выражение в образах религиозно одаренных людей — таких, как Лиза Калитина («Дворянское гнездо»), Лукерья («Живые мощи»), — которых автор создавал с чувством величайшего благоговения. В религиозных переживаниях видит Тургенев источник внутренней силы и нравственной чистоты. Стихотворения в прозе «Христос», «Монах», «Молитва» свидетельствуют о «томлении духа», духовной жажде, потребности писателя в Богообщении: «Только такая молитва и есть настоящая молитва — от лица к лицу» (10, 172).

В романе «Отцы и дети» проявилось осознание духовной высоты христианского чувства, православной церковной традиции. Соборование нигилиста Базарова в сцене его смерти не выглядит неожиданностью, но — наоборот — подчиняется внутренней художественной логике тургеневского произведения.

Православному Таинству Соборования отведены лаконичные строки внутри единственного абзаца, посвященного последним мгновениям земной жизни главного героя. Крайне сдержанно сказано о церковном чинопоследовании христианского напутствия умирающему перед его уходом на суд Божий: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183).

К слову, священник — отец Алексей — фигурирует в нескольких произведениях Тургенева, созданных после «Отцов и детей». В рассказе «Живые мощи» (1874) отец Алексей христиански поддерживает болящую Лукерью. Впоследствии писатель создал, по его жанровому определению, «легендообразный рассказ» — «Рассказ отца Алексея» (1877), указывая в письмах на его невымышленный источник: «(действительно сообщенный мне) рассказ одного сельского попа о том, как сын его подвергся наущению дьявола (галлюцинации) — и погиб» (9, 468). Реальный отец Алексей — священник прихода, к которому принадлежало имение писателя, — упоминается Тургеневым в письме к Н. А. Щепкину: «Поп Алексей просит 15 осиноков» (9, 468).

Несмотря на чрезвычайную сжатость (а, возможно, именно благодаря такой немногословности), эпизод Соборования в «Отцах и детях» обращает вдумчивого читателя к скрытым пластам романа, вербально не выразимым в своих сокровенных глубинах. Ассоциативный подтекст христиански высвечивает своеобразие поэтики Тургенева, особенности его художественной манеры «тайного психологизма». Писатель останавливается на пороге не постижимой земным разумом загадки души и Духа, человека и мира, вечной неумирающей жизни.

Обрисованный в нескольких словах православный обряд представлен как истинное Таинство — в нем ощущается величайшая тайна. Тургенев пишет о Базарове: «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвевшем лице» (7, 183—184).

Загадочен этот последний эмоциональный всплеск главного героя романа. В чем кроется источник «содрогания ужаса» прежде бесстрашного нигилиста — титанической личности, отвергавшей Бога и отрицавшей бессмертие, самоуверенно бросающей вызов Провидению?

Идейный вождь русского нигилизма Д. И. Писарев, анализируя сцену смерти Базарова, утверждал, что тот «не струсил», «не изменил себе», «не оплошал»*. Герой, который умеет умирать «спокойно и твердо», не отступит перед препятствием и не струсит перед опасностью, — резюмирует критик. Он недалек от истины, расценивая сцену смерти Базарова как апофеоз романа, хотя в угоду тенденциозной односторонности интерпретирует эту сцену в революционно-нигилистическом смысле: «Нигилист остается верен себе до последней минуты».

Тургеневский герой действительно держался стоически-мужественно в течение своей предсмертной болезни. Однако Писарев, по всей видимости, преднамеренно не пожелал отметить и обошел молчанием тот факт, что в последние мгновения жизни при Соборовании неустрашимый Базаров испытал не просто страх, но неопишуемый ужас. Современные исследователи до сих пор теряются в догадках: «Что это? Запоздалое раскаяние? Или, наоборот, бунт атеистической души?»**. Объяснений нельзя искать вне сложной динамики связей тургеневского творчества с религиозно-нравственными основаниями русской культуры, с традициями христианской духовности.

Согласно православному катехизису, Соборование — одно из семи церковных Таинств, в котором «при помазании тела елеем призывается на больного благодать

* См.: Писарев Д. И. Базаров. «Отцы и дети», роман И. С. Тургенева // Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т. — Т. 1. — Статьи 1859—1864 гг. — Л.: Худож. литература, 1981.

** Лебедев Ю. В. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». — М.: Просвещение, 1982. — С. 138.

средственно при помазании читается молитва веры; на голову приступившего к Соборованию возлагается Евангелие вниз письменами; в заключение читается разрешительная молитва от грехов.

Внешняя обрядовая сторона священнодействия в то время, когда создавался тургеневский роман, была известна каждому православному. Возможно, поэтому автору не представлялось необходимым изображать картину Соборования Базарова во всех деталях. В то же время Тургеневу в свойственной ему манере писательской деликатности и человеческой чуткости удалось прикоснуться к сокровенной сущности Таинства, его духовному наполнению. Невидимое действие благодати Божьей, подаваемой в Таинстве Елеосвящения, заключается в том, что соборующийся исцеляется от порождений греха, получает духовное подкрепление и очищение.

В романе «**Отцы и дети**» приходской священник, совершая Таинство от лица собора, по всей видимости, строго придерживается развернутого канонического чинопоследования. Об этом свидетельствуют приведенные выше слова Тургенева: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183). Важно обратить внимание на форму множественного числа: «обряды». Для адекватного постижения смысла эпизода необходимо учесть, что Соборование тесно соединяется с другими православными Таинствами — Покаянием (исповедью) и Причащением Святых Христовых Тайн. Если Соборование совершается дома у тяжело больного или умирающего, то вначале, как правило, следуют Исповедь и Причащение, чтобы болящий — ввиду явной опасности близкой смерти — успел принять последнее напутствие как залог вечного блаженства.

Следует подчеркнуть, что Причастия не бывает без покаянной исповеди. В то же время исповедаться человек может, только находясь в здравом уме и твердой памяти. Единственное требование Церкви, напутствующей умирающего, чтобы тот находился в сознании. Над больными в бессознательном состоянии Причащение не совершается. Так, в тургеневском «**Рассказе отца Алексея**» священник вспоминает о смерти своего сына без покаяния: «А как слег Яков, сейчас в безпамятство впал, и так, без покаяния, как бессмысленный червь, отошел от сей жизни в вечную...» (9, 131).

Текст тургеневского романа не позволяет с точностью утверждать, исповедал ли свои грехи Базаров перед кончиной. «Базарову уже не суждено было просыпаться, — пишет Тургенев. — К вечеру он впал в совершенное безпамятство, а на следующий день умер» (7, 183). И только затем следует авторское замечание о совершении предшествующих смерти религиозных обрядов. Поэтому, обращаясь к реконструкции действия, нельзя отрицать и такого, например, развития событий, при котором Базаров мог ненадолго прийти в себя и, очнувшись от забытья, принести хотя бы краткое покаяние, односложно ответив на вопрос духовника: «Каешься?», — «Каюсь».

Прямая христианская обязанность родных и близких смертельно больного — своевременно дать ему возможность православного напутствия перед кончиной. Этот мучительный родительский долг пытается с честью исполнить Василий Иванович Базаров — истинный православный христианин. Будучи опытным врачом и наблюдая за симптомами в развитии болезни, он тревожится о том, чтобы сын успел через Таинство Причащения осознанно приобщиться к спасительной силе жертвы Христа на Голгофе. Мука, терзающая старика-отца, теряющего единственного сына и призывающего его к душеспасительному Таинству, столь велика и особенна, что Василий Иванович начинает выражаться несвойственным ему высоким слогом, изумляющим Базарова. Сын невольно отвечает отцу в том же стиле, что еще более подчеркивает неординарность происходящего:

«— Евгений! — произнес он, наконец, — сын мой, дорогой мой, милый сын!

Это необычайное воззвание подействовало на Базарова... Он повернул немного голову и, видимо, стараясь выбиться из-под бремени давившего его забытья, произнес:

— Что, мой отец?» (7, 180).

Опустившись на колени, набожный старик умоляет Базарова позаботиться о спасении души перед уходом в вечность: «Евгений, тебе теперь лучше; ты, Бог даст, выздоровеешь; но воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью, исполни долг христианина! Каково-то мне это тебе говорить, это ужасно; но еще ужаснее... ведь навек, Евгений... ты подумай, каково-то...

Голос старика перервался, а по лицу его сына, хотя он и продолжал лежать с закрытыми глазами, проползло что-то странное» (7, 180).

Мастер «тайной психологии» — Тургенев не анализирует и даже не называет то движение души героя, которое вызвало такую необычную, вербально не определяемую реакцию. В то же время здесь отчетливо ощутим намек на запредельность происходящего — в предчувствии инобытия.

Базаров не внял мольбе отца. Однако важно, что он не отказывается от Таинства в принципе и выражает готовность принять его позднее. Фактически Базаров дает разрешение обеспечить возможность совершения над ним священнодействия, даже если он впадет в безпамятство:

«— Я не отказываюсь, если это может вас утешить, — промолвил он наконец, — но мне кажется, спешить еще не к чему. Ты сам говоришь, что мне лучше.

— Лучше, Евгений, лучше; но кто знает, ведь это все в Божьей воле, а исполнивши долг...

— Нет, я подожду, — перебил Базаров. — Я согласен с тобою, что наступил кризис. А если мы с тобой ошиблись, что ж! ведь и безпамятных причащают» (7, 180).

Отец — бывший полковой лекарь — и его сын-медик говорят на профессиональном языке о течении телесной болезни. В то же самое время речь идет о необходимости духовного врачевания врача Базарова. Православное Таинство, не отменяя физических законов, духовно поддерживает болящего, оказывает ему благодатную душе-спасительную помощь.

Таким образом, нельзя однозначно судить об абсолютном атеизме Базарова, чтобы не погрешить против художественной истины романа. Вовсе не случайно А. И. Герцен (1812—1870) усмотрел в этом эпизоде, а также в заключительных словах финального реквиема «о вечном примирении и о жизни бесконечной» (7, 188) опасный, с точки зрения революционера и атеиста, «мистицизм». По прочтении «**Отцов и детей**» Герцен писал Тургеневу: «Requiem на конце — с дальним апрошем к бессмертию души — хорош, но опасен, ты эдак не дай стрелка в мистицизм» (7, 468).

Анализ заключительных глав и эпилога романа также привел советского литературоведа М. К. Азадовского еще в 1935 году к догадке о том, что Тургенев изобразил атеиста Базарова перед смертью раскаявшимся и примирившимся с «небом»*. Впрочем, эта крамольная для того времени мысль была немедленно полемически опровергнута с точки зрения господствовавших вульгарно-идеологических марксистско-ленинских установок.

О примирении с «небом», преодолении трагического конфликта человека с быстротечностью земной жизни Тургенев размышлял на протяжении всего творческого пути. Уже в первом романе «**Рудин**» герой — вечный бесприютный странник — выстрадал в конце пути истину: «Смерть, брат, должна примирить наконец...». Церковный образ потухающей лампы в финальном монологе Рудина: «уже все кончено, и масла в лампаде нет, и сама лампада разбита, и вот-вот сейчас докурится фитиль...» (5, 319) — как символ уходящей жизни — отзывается в сцене последней встречи Базарова с Одинцовой.

Героиню можно было бы назвать «дамой в трауре»: в первый раз она появляется в романе на балу у губернатора как незнакомка «высокого роста в черном платье»

* См.: Азадовский М. К. Об одном сюжетном совпадении: «Смерть атеиста» в романе Омулевского и у Ипполита Тэна // 45 лет академику Н. Я. Мару: Сб. статей XLV. — М.; Л.: АН СССР, 1935. — С. 589.

(7, 68); перед смертельно больным Базаровым она предстает как «дама под черным вуалем, в черной мантилье» (7, 180). Здесь завуалирован прием предварения: с Одинцовой связаны любовь и смерть Базарова. Для него Анна Сергеевна, как и княгиня Р. для Павла Петровича Кирсанова, — таинственная женщина-сфинкс, мистически причастная роковым силам любви и смерти.

В княгине Р., пишет Тургенев, «все еще как будто оставалось что-то заветное и недоступное, куда никто не мог проникнуть. Что гнездилось в этой душе — Бог весть! Казалось, она находилась во власти каких-то тайных, для нее самой неведомых сил; они играли ею, как хотели» (7, 31). Незадолго до смерти загадочная возлюбленная Павла Петровича передала ему кольцо со сфинксом, «провела по сфинксу крестообразную черту и велела ему сказать, что крест — вот разгадка» (7, 32). Крест, крестное знамение объединяют судьбы, казалось бы, героев-антиподов. Участь старшего Кирсанова — оппонента Базарова в социально-политических спорах — проецируется на судьбу главного героя **«Отцов и детей»**.

Англоман Павел Петрович уехал за границу, но в эпилоге мы видим его «в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнет почти незаметно креститься...» (7, 187). Все дорогое для него похоронено, и сам он живой мертвец. Тургенев пишет: «Павел Петрович помочил себе лоб одеколоном и закрыл глаза. Освещенная ярким дневным светом, его красивая, исхудалая голова лежала на белой подушке, как голова мертвеца... Да он и был мертвец» (7, 154). Нельзя не заметить, что здесь Кирсанов внешне напоминает умирающего Базарова. «Это все равно, что класть венки из цветов на голову мертвеца» (7, 165), — с горечью говорит Базаров Одинцовой, которая отвергла его страсть, но призналась в дружеском расположении.

Брат старшего Кирсанова Николай Петрович еще ранее замечал: «Да, брат; видно, пора гроб заказывать и ручки складывать крестом на груди» (7, 46).

Финал романа увенчивают «серые деревянные кресты» на сельском кладбище «в одном из отдаленных уголков России» (7, 188), где похоронен Базаров.

Так снимается конфликт поколений в романе Тургенева. И отцы, и дети, и все новые поколения людей под сенью креста идут одной дорогой к завершению земной судьбы и к жизни вечной. Устами Аркадия писатель говорит о нескончаемом круговороте неумирающей жизни: «сухой кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с полетом бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое — сходно с самым веселым и живым» (7, 121). О том же размышляет отец Аркадия, мысленно представляя себе покойницу-жену «молодую девушкой с тонким станом, невинно-пытливым взглядом и туго закрученной косой над детской шейкой. <...> те сладостные, первые мгновенья, отчего бы не жить им вечною, неумирающей жизнью?» (7, 55).

Душа сродни высшему идеалу, и оттого она томится в своей земной ограниченной обители, не довольствуется ею. Анна Сергеевна говорит Базарову об этом «томлении духа», извечной человеческой тоске по идеалу, о вечном стремлении к счастью и о его недостижимости: «Мы говорили с вами, кажется, о счастье. <...> Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, например, музыкой, хорошим вечером, разговором с симпатическими людьми, отчего все это кажется скорее намеком на какое-то безмерное, где-то существующее счастье, чем действительным счастьем, то есть таким, которым мы сами обладаем? Отчего это?» (7, 96).

Ответ на этот вопрос можно найти в размышлениях святителя Феофана Затворника: «В самом деле, мы любим повеселиться, но что значит, что, после самого полного веселия, душа погружается в грусть, забывая о всех утехах, от которых пред тем не помнила себя? Не то ли, что из глубины существа нашего дается знать душе, как ничтожны все эти увеселения сравнительно с тем блаженством, которое потеряно с потерей рая. Мы готовы радоваться с радующимися, но, как бы ни были разнообраз-

ны и велики предметы радостей человеческих, они не оставляют в нас глубокого следа и скоро забываются.

Это значит то, что природа наша плачет о потерянном рае и, как бы мы ни покушались заглушить плач сей, он слышится в глубине сердца, наперекор всем одуряющим веселостям, и понятно говорит человеку: "Перестань веселиться в самозабвении; ты, падший, много потерял: поищи лучше, нет ли где способа воротить потерянное?"*

Перед лицом Провидения ничего не значат ни возраст, ни красота, ни знатность, ни богатство, ни власть, ни политические пристрастия, ни прочая земная суета. Нигилист и его политический противник оказались равны и одинаково беззащитны: *«И всюду страсти роковые, / И от судеб защиты нет»*. Этот финальный мотив пушкинской поэмы **«Цыганы»**, пренебрежительно отвергаемой Базаровым, как и все остальное «художество», все более явственно и трагически звучит в подтексте романа.

Сакральная сторона жизни, с которой самонадеянно пытался вести борьбу «титан» Базаров, культивируя в себе непримиримую враждебность и даже ненависть к проявлениям духовности, одержала над ним верх. Гипернигилист, отрицавший высшие ценности, любовь, искусство, душевные порывы как «чепуху», «гниль», «романтизм», в конце жизни по сути становится экс-нигилистом. Называя себя «самоломаным», он уже не стыдится открыть одухотворенного романтика в самом себе. Герой не подавляет движений своего сердца, признавая тем самым существование высшей духовной силы, над которой никто не властен.

Человек, объясняет христианский философ В. В. Зеньковский, «открывает в себе глубину неисследимую, находит в себе целый мир»; «духовность загадочно сочетается с тварностью, но все же она есть средоточие, живая сердцевина человека, истинный центр ("реальное Я"), основа индивидуальности человека, метафизическое его ядро»**.

Новое для Базарова духовно-душевное состояние проявляется в строе его речи, слове, которое (по Гоголю) «есть высший подарок Бога человеку»***. Тургеневский герой невольно начинает изъясняться в стиле влюбленных рыцарей, трубадуров, миннезингеров, которых он некогда зло высмеивал как сумасбродных безумцев. «Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...» (7, 183), — обращается он к даме своего сердца. Базаров умирает с любовью, призывая к себе «благодать» (так переводится имя Одинцовой — Анна), просветляющую его духовные силы.

Ассоциируя себя с «лампадой», Базаров обнаруживает свою внутреннюю причастность православной церковной традиции, родственность ей на генетическом уровне. Очнувшись от «тяжелой, полузабывчивой дремоты», умирающий герой, «с усилием раскрыв глаза, увидел над собою при свете лампадки бледное лицо отца» (7, 176). В «будущем лекаре и лекарском сыне» оживает «дьячковский внук». Об этой связи в цепи поколений Базаров не забывал: «Ведь ты знаешь, что я внук дьячка?..» (7, 76) — многозначительно напоминал он Аркадию. И даже «осведомился однажды об отце Алексее» (7, 170), что вовсе не вписывается в нигилистические установки.

С судьбой Базарова много схожего у героя **«Рассказа отца Алексея»** Якова, происходящего из древнего священнического рода: «в нашем приходе близко двухсот годов все из нашей семьи священники живали!» (9, 123), — но пожелавшего «идти по-светскому»: «"поступлю в университет, буду доктором; потому — к науке

---

* Святитель Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения.— М.: Московский Сретенский монастырь, 1997.— С. 291—293.

** Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии.— М., 1993.— С. 44, 47.

*** Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т.— М.: Худож. лит., 1986.— Т. 6.— С. 187.

большую склонность чувствую". <...> Ближним, говорит, хочу помогать. Ну-с, поехал он от меня — почитай, что ни гроша с собой не взял, только малость из платья. Уж очень он на себя надеялся!» (9, 123 — 124). Самонадеянность обернулась духовной и физической катастрофой.

Но текст «Отцов и детей» не дает оснований говорить о полном «угасании» символической «лампады». Последнее, что видит Базаров своим земным зрением, — это благодатные свет и огонь: святые образа с неугасимыми лампадами, горящие перед иконами свечи, воскурение ладана в кадилнице.

Думается, неслучайно автор с его обостренной художественной интуицией пишет об умирающем Базарове: «один глаз его раскрылся» (7, 183). Писатель в сцене Соборования сумел уловить сам момент перехода героя в вечность: один глаз еще может обозреть земное, другой уже закрыт навеки. Что представилось внутреннему зрению героя, что увидел он своими «духовными глазами» (это не только пушкинское выражение, но и богословское, святоотеческое) и что пережил в момент умирания, когда приоткрывшаяся в последний миг завеса позволила ему взглянуть за пределы земной жизни? И отчего в его лице возникло выражение ужаса? Был ли он поражен величием непостижимой тайны, явившейся ему во всей полноте и навеки низвергающей нигилистическую теорию абсолютного «ничто»? Встретил ли он то, чего не ждал, о чем не думал, что отвергал и во что не верил? При Соборовании, видимо, в умирающем уже теле он совершил какое-то громадное открытие о жизни духовной, ужаснувшее его самого.

Безбожные установки надменно-теоретизирующего сознания исподволь, незаметно для героя разрушали светлые стороны его личности. Демонических проявлений натуры Базарова в тот период, когда он позиционировал себя как нигилиста и атеиста, можно насчитать в романе немало. Окружающим Базаров внушал безотчетный страх. В глазах матери, неотступно обращенных на сына, «виднелась и грусть, смешанная с любопытством и страхом, виднелся какой-то смиренный укор» (7, 124). Одинцова испытывала инстинктивную боязнь перед его зверским, животным началом: «Она задумывалась и краснела, вспоминая почти зверское лицо Базарова, когда он бросился к ней...» (7, 100); «"Я боюсь этого человека", — мелькнуло в ее голове» (7, 98). Ученик Базарова — «бланманже» Аркадий — также пережил минуты страха перед своим идейным наставником, когда в шуточной ссоре от него вдруг повеяло серьезной опасностью: «Что, подеремся? — подхватил Базаров. — Что ж? Здесь, на сене, в такой идиллической обстановке, вдали от света и людских взоров — ничего. Но ты со мной не сладишь. Я тебя сейчас схвачу за горло...

Базаров растопырил свои длинные и жесткие пальцы... Аркадий повернулся и приготовился, как бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему таким зловещим, такая нешуточная угроза почудилась ему в кривой усмешке его губ, в загоревшихся глазах, что он почувствовал невольную робость...» (7, 121 — 122). Злое начало готово выплеснуться в любой момент, беспричинно, бессмысленно, и от того особенно страшно.

Столь же страшен одержимый наваждением бесовским Яков в «**Рассказе отца Алексея**»: «Верите ли, я назад отскочил, до того испугался! Бывало, страшное было у него лицо, а теперь какое-то зверское, ужасное стало! Бледен как смерть, волосы дыбом, глаза перекошились... У меня от испуга даже голос пропал; хочу говорить, не могу — обмер я совсем...» (9, 130).

Базарову в предсмертном бреде так же, как Якову, виделось нечто inferнальное: «Пока я лежал, мне все казалось, что вокруг меня красные собаки бегали» (7, 177). Так, быть может, Соборование Базарова, ужаснувшегося в пограничный момент между жизнью и смертью, соединилось с обрядом изгнания беса — экзорцизмом, в народе именуемом «чертогон»? «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его! <...> Яков, не малодушествуй; я ладаном покурю, молитву почитаю, святой водой кругом тебя

окроплю» (9, 126), — пытался молитвенно помочь своему одержимому сыну священник («**Рассказ отца Алексея**»).

Но в «**Отцах и детях**» обо всем этом можно только догадываться. Тургенев оставляет читателя на пороге не разрешимой в пределах земного бытия загадки, ибо, как во всяком Таинстве, «*тайна сия велика есть*». Бесспорно одно: Базаров в последнее мгновение умирания, перехода по ту сторону бытия пережил трансцендентное состояние, неизмеримое ограниченными мирскими мерками, неподвластное земному разуму, неподдающееся рациональным мотивировкам.

Таинство окончательно выводит Базарова из конкретно-чувственного, вульгарно-материалистического, обыденно-бытийного состояния в план инобытия. Это не есть абсолютное «ничто», «темнота», как думалось ранее Базарову-нигилисту.

Упование на бесконечное милосердие Божие за пределами земной жизни выражено также в финале «**Рассказа отца Алексея**»: «Но не хочу я верить, чтобы Господь стал судить его Своим строгим судом... И, между прочим, я этому потому не хочу верить, что уж очень он хорош лежал в гробу: совсем словно помолодел и стал на прежнего похож Якова. Лицо такое тихое, чистое, волосы колечками завились — а на губах улыбка» (9, 131 — 132).

Тургенев ясно дает почувствовать, что душа человеческая сопряжена с бесконечностью; в последние мгновения с человеком происходит нечто невидимое, таинственное и великое.

Сходное переживание перед лицом этой тайны выразил В. А. Жуковский (1783—1852) в стихотворении <«**А. С. Пушкин**»> (1837) на смерть поэта:

*Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нем, — в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! Но какую-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: **мнилось мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось: что видишь?***
<выделено мной. — А.Н.-С.>*

В Таинстве предсмертного Соборования человек, очищенный от грехов, вводится в бесконечную жизнь воскресшего Христа. Страдание, умирание и сама крестная смерть в Христовом Воскресении явились залогом полноты неумирающей жизни.

Эти христианские упования духовно поддерживают родителей Базарова, потерявших единственного сына.

Столь великое горе поначалу чуть не затмило сердце и разум отца Базарова. Василий Иванович, ослепленный своим отцовским страданием, готов был взбунтоваться против Отца Небесного. В этом отец-христианин на миг уподобился сыну-отрицателю и бунтарю: «Василием Ивановичем обуяло внезапное исступление. "Я говорил, что я возропщу,— хрипло кричал он, с пылающим, перекошенным лицом, потрясая в воздухе кулаком, как бы грозя кому-то,— и возропщу, возропщу!"» (7, 184).

---

* Жуковский В. А. <А. С. Пушкин> // Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т.— М.; Л.: ГИХЛ, 1959—1960.— Т. 1.— С. 393.

Мгновенный непокорный порыв угашен, и родители Базарова безропотно принимают Божью волю в смиренном земном поклоне: «Арина Власьевна, вся в слезах, повисла у него <Василия Ивановича.— А.Н.-С.> на шее, и оба вместе пали ниц. "Так,— рассказывала потом в людской Анфисушка, — рядышком и понурили свои головки, словно овечки в полдень..."» (7, 184). В этой картине кроткого жертвенного смирения возникает христианская аллюзия — намек на образ жертвенного агнца или того «малого стада», к которому со словами утешения и ободрения обратился Господь: «*Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство*» (Лк.12: 32).

Финал романа «**Отцы и дети**» означен спасительным крестом. Из Базарова не «лопух» вырастает, как мнилось бунтующему физиологу, задумавшемуся о сокровенном смысле жизни: «из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» (7, 120). Этот трагический вопрос остался тогда без ответа. Но ответ в романе прозвучал ранее: «крест — вот разгадка» (7, 32). На могиле героя возвышается крест, обозначая место, где по православному обряду похоронен христианин. Как символ вечно обновляющейся жизни — «две молодые елки» (7, 188), посаженные любящими родителями в «вечную память» о сыне.

В земной юдоли люди, в том числе отцы и дети, даже если они родственны не только по крови, но и по духу, не в состоянии достичь абсолютного единства. Каждый неизбежно отделен от другого и собственной физической оболочкой, и неповторимым внутренним миром, остающимся во многом таинственным для самого его носителя, «*Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?*» (1 Кор. 2: 11).

Стремления, замыслы, планы, амбиции также не могут быть реализованы всецело и не зависят от воли и усилий человека: «*Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя на один локоть? Итак, если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем?*» (Лк. 12: 25—26). В евангельской притче Бог сказал самоуверенному богачу, распланировавшему для себя дальнейшую счастливую жизнь «на многие годы» вперед: «*безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя*» (Лк. 12: 19—20). «*Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет*» (Мф. 24: 42). Самых родных, близких и любящих — и тех разлучает, разъединяет смерть. Не смогли противостоять ей отец и сын — оба лекари — в тургеневском романе.

Но «*невозможное человекам возможно Богу*» (Лк. 18: 27). Нетленные ценности существуют. Главная непреходящая ценность — любовь Христова. Тургенев, цитируя апостола Павла, горячо в это верует: «одно это слово имеет еще значение перед лицом смерти. <...> "Все минется, — сказал апостол, — одна любовь останется"» (5, 348). В своем утверждении: «любовь <...> сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» (10, 142) — писатель сердечным знанием постиг заветные христианские истины: «*И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем*» (1 Ин. 4: 16).

Средоточие любви совершенной, которая «*изгоняет страх*» (1 Ин. 4: 18), — Отец, Сын и Дух Святой. «*Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии*» (Рим. 8: 16). В Пресвятой Троице, Единосущной и Нераздельной, обретает человек — венец Божьего творения — истинное единство и желанную цельность, незыблемую опору и жизнь вечную: «*если пребудет в вас то, что вы слышали от начала, то и вы пребудете в Сыне и в Отце. Обетование же, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная*» (1 Ин. 2: 24—25).

«Отцам» и «детям» адресовал святой апостол Иоанн свое послание об Отце Небесном: «*Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его. Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сузшего от начала*» (1 Ин. 2: 12—13).

Молитвы, слезы и любовь — эта священная триада венчает тургеневский роман: «Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всеильна? О, нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии "равнодушной" природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» (7, 188).

Неутолимая духовная жажда веры в Бога и бессмертие, предчувствие «жизни бесконечной...» (7, 188) для людей как детей общего Отца Небесного — последнее упование в романе Тургенева «**Отцы и дети**».

Литература

1. Писарев Д. И. Базаров. «Отцы и дети», роман И. С. Тургенева // Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т.— Т. 1.— Статьи 1859—1864 гг.— Л.: Худож. литература, 1981.
2. Лебедев Ю. В. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети».— М.: Просвещение, 1982.— С. 138.
3. Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Сост. святитель Филарет, митрополит Московский.— Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.— С. 361.
4. Православие для всех / Сост. иеромонах Харитон (Просторов).— Кострома, 2008.— С. 284—290.
5. Азадовский М. К. Об одном сюжетном совпадении: «Смерть атеиста» в романе Омулевского и у Ипполита Тэна // 45 лет академику Н. Я. Мару: Сб. статей XLV.— М.; Л.: АН СССР, 1935.— С. 589.
6. Святитель Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения.— М.: Московский Сретенский монастырь, 1997.— С. 291—293.
7. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии.— М., 1993.— С. 44, 47.
8. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т.— М.: Худож. лит., 1986.— Т. 6.— С. 187.
9. Жуковский В. А. <А. С. Пушкин> // Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т.— М.; Л.: ГИХЛ, 1959—1960.— Т. 1.— С. 393.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ПО СТРАНИЦАМ ПОЭЗИИ МИХАИЛА АНИЩЕНКО

В этом году литературная общественность отмечает 70-летие выдающегося русского поэта Михаила Всеволодовича Анищенко (1950—2012), творчество которого наконец-то начинает получать достойную оценку.

Эпитет «выдающийся» в данном случае уместен, ибо так талантливо отобразить российскую действительность конца XX и начала XXI века никто из его современников-поэтов не смог. Литературным критикам и литературоведам еще предстоит открыть тайну творческого метода Михаила Анищенко. А в этой небольшой статье я остановлюсь лишь на некоторых страницах его поэтического наследия, которые кажутся мне особенно яркими и значимыми (и которые я не затрагивал в своих статьях о нем ранее).

Больше всего душа поэта болела за судьбу России. В своей статье «Ускорение как будущее русской поэзии» М. Анищенко пишет: «За последние двадцать лет нынешней олигархической властью России нанесен ущерб, превышающий все батыевские, польско-шведские, наполеоновские и гитлеровские погромы вместе взятые. Таких темпов истребления коренного населения не ведали даже американцы, уничтожая индейцев... Нацистским преступникам и не снились такие темпы решения «славянского вопроса».

А поэтическим языком об этом же поэт говорит так:

*Наследство делят. Всюду давка...
Там — нефть и газ, и антрацит...
Русь умерла. И только травка
Растет среди могильных плит.*

*В крови последнего заката,
Где вечность стынет на краю,
«Куда теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?»*

*Как было просто — или-или!
Иди, стреляй без лишних слов...
А здесь свои своих купили
И превратили их в рабов.*

*Все это с помпой, с фейерверком,
Во тьме, ликующей, как черт...
Русь умерла. Осталась церковь,
Но и она теперь умрет.*

В другом стихотворении читаем такие строки:

*Все обгадили, все оболгали,
Добрались до святынь и могил.*

*Штопать наши надежды и дали
Мне не хватит, наверное, сил.*

*Вот он, мир — безнадежный и узкий,
Вот на выбор — тюрьма и сума...
С беспросветной тоскою: «Я русский...» —
Умирают и сходят с ума.*

Когда М. Анищенко пишет о России после реставрации капитализма, то нередко вспоминает своих предков. В стихотворении «Стоять, стоять на утреннем морозе...» есть строфа:

*Стоять, когда бессмертия не надо,
Когда сожжен последний мой редут,
Когда мой дед в окопах Сталинграда
Еще не знает, как нас предадут.*

Будущее России видится поэтом по-разному, но чаще взгляд отягощен пеленой пессимизма:

*Мельчают даты и години,
Дурманом полнится экран.
И Русь, как девочка на льдине,
Согреть не может океан.*

*Порой покажется — светает
Над полем, речкой и цветком...
Но все быстрее льдина тает
Под каждым русским городком.*

*Страна березового ситца
Еще как будто бы жива...
Но на престол уже садится
Иван, не помнящий родства.*

Все, кто родился после Великой Отечественной войны, в той или иной степени своими глазами увидели ее страшные последствия. Только на фронтах погибло 7,5 миллиона человек, получили ранения 46 миллионов, вернулись инвалидами 11,5 миллионов солдат и офицеров. Хорошо помню, как в 1957—58 годах родители иногда возили нас, своих детей, на поезде (еще были деревянные вагоны) в Куйбышев и как по вагонам вереницей проходили инвалиды и просили милостыню, при этом кто-то играл на каком-либо музыкальном инструменте и пел, а кто-то декламировал стихи... Безусловно, всю жизнь помнил об этом и о многом другом, что касалось войны, и М. Анищенко. Ужасы войны просматривались у него на протяжении всего творчества.

С особой пронзительностью эта тема звучит, когда героем повествования выступает женщина. И не важно, воюет она на фронте или переносит испытания в тылу. У поэта есть стихотворение «Тетя Поля». Казалось бы, почтальон в тылу, но... как написано!

*Наша встреча долго длится.
Тетя Поля говорит:
— Ничему уж не забыть...
Видно, память не велит...*

*И пронзают вновь до боли
Дни израненной страны.
Ты не тетя,
Просто — Поля,
Почтальон большой войны.*

*Поля. Школьница. Девчонка.
Как могла ты столько дней
В сумку прятать похоронки
И смотреть в глаза людей?*

*Как, скажи, в свои семнадцать
Ты могла идти селом,
Зная, что тебя боятся,
И что крестятся кругом?*

*Не вина ли это, Поля,
Что оттягивала ты
Завещанья вечной боли —
Похоронные листы?*

*К селам с почтой доберешься —
Изведешься от тоски:
В мелколесье наревешься,
Наревешься у реки.*

*В двадцать лет ты поседела.
Почтальон на три села,
Как ты вынести сумела
Все, что в сумке той несла?*

Ничего не поделаешь: победа в войне имеет привкус крови.

Как-то я стал специально интересоваться, кто отцы моих друзей, приятелей и хороших знакомых, которые по возрасту могли быть на фронте, и был поражен. Почти все, кто имел дело непосредственно с линией фронта, были или инвалидами, или имели ранения. Мой отец — инвалид, у которого один из осколков удалили из легких лишь в 1959 году. У супруги отец — инвалид, который умер в 1952 году за месяц до ее рождения. Предполагаю, что и у М. Анищенко было не лучше. Не зря в одном из стихотворений он написал:

*Войною дед подкошен,
Пылает дом родной...
Как будто бы все в прошлом,
Но это все со мной.*

В лирике поэта нашли отражение все этапы его жизни. В вышеупомянутой статье, давая советы молодым поэтам, М. Анищенко отмечал: «Хорошо бы научиться говорить правду, будучи безразличным к ней. Ведь любая эмоциональная окраска делает правду по меньшей мере подозрительной. Тогда она выглядит словно президент с накрашенными губами». У реки жизни два берега: правда и ложь. Сам поэт не только призывал держаться берега правды, но и всегда оставался на нем.

За последние пятьдесят лет ни у одного из поэтов я не читал таких стихотворений о службе в армии, как у М. Анищенко.

В армию

*В тот день под сводами вокзала
Приказ майора резок был.
Что мне любимая сказала,
Не помню я. Все позабыл.
Но я запомнил в то прощанье
Одно мгновенье тишины
И материнское дыханье:
— Не дай вам, господи, войны...*

*И шел состав легко и просто,
Стоял в вагонах легкий гам.
А за окном тянулись версты
Земли, доверившейся нам.
Сменялись зори и закаты,
Мелькали рощи и луга...
Нас, словно сталь, везли сержанты —
Не закаленную пока.*

*И мы тогда еще не знали
Цены той самой тишины,
В которой мамы выдыхали:
— Не дай вам, господи, войны...*

Первогодки

*Там, на плацу, где утро тает,
Их строй сбивается с ноги.
И с перекладины, бывает,
К земле их тянут сапоги.
И часто пули мимо цели
У них уходят «в молоко»...
Но в эти первые недели
Еще никто не жил легко.
И этот груз — большой, лавинный —
Мальчишкам нужен позарез:
В них просыпаются мужчины —
И сапоги теряют вес.*

Старшина

*Когда казарма засыпает
И в окнах плавится луна,
Я часто слышу, как шагает
В проходах хмурый старшина.
Гремят последние трамваи,
А он, усталый и седой,
Нам одеяла поправляет
И не торопится домой.
В его квартире неуютной
Есть тусклый снимок на стене.*

*Мы знаем все, что это Люда.
Она погибла на войне.
Она погибла и не знает,
Как старшина в тиши ночной
Нам одеяла поправляет
И не торопится домой.*

М. Анищенко испытывает чувство ответственности не только за страну, в которой живет, но и за родных и близких:

*И здесь, у речной переправы,
под свист деревенской шпаны
пройдет искушение славы,
останется чувство вины:*

*за то, что река обмелела,
что дом покосился родной,
что мать без меня поседела
и не молодеет со мной.*

*Качнутся плакучие ивы,
плеснется вода в камыше...
Мать взглянет мне вслед сиротливо,
как будто я умер уже.*

*И тут — посреди увяданья
родимых людей и лесов —
я вряд ли найду оправданье
у тоненькой книжки стихов.*

Были годы, когда М. Анищенко искал душевного покоя в православии, но из этого ничего путного не вышло. И он отверг Бога. Видимо, поэт обратил внимание на то, что церкви растут как грибы, но урожай духовности в обществе с каждым годом падает. Вместе с тем религиозные мотивы нашли существенное отражение в его творчестве. Стихотворение «Предтеча» с большим интересом прочитает даже атеист:

*В небе облако качалось.
Пес обиженный скулил.
Снег кружился. Власть кончалась.
Ирод голову клонил.
Он шептал: «Еще не вечер...» —
И понять не мог никак,
Что вся жизнь теперь — предтеча.
Деньги — мусор. Власть — пустяк.*

*Ирод мерз, не мог согреться,
Меч хватал. Шептал: «Пора!»
В Вифлееме все младенцы
Поседали до утра.*

*Кровь детей. Резня и сеча.
Тихий ропот, пересуд...*

*Так закончилась предтеча,
Начинался Страшный Суд.*

Сегодня трудящиеся, сравнивая деятельность И. В. Сталина с «успехами» лидеров России после реставрации капитализма, начинают понимать величие его личности. Из секретных архивов медленно, но все-таки просачивается правда о так называемых «сталинских репрессиях» 1937 года; теперь понятно, что эти репрессии осуществили враги советской власти. Поэтому все чаще можно увидеть портреты Иосифа Виссарионовича, а кое-где ему уже начали ставить бюсты и памятники. А как же относился к личности Сталина поэт М. Анищенко? В стихотворении «Совсем догорают мои старики...» есть строфа, дающая ответ на этот вопрос:

*Но с бабушкой, с бабушкой я помолюсь
И с дедушкой выпью в чулане
За веру, за Сталина, словом — за Русь,
Пропавшую в божьем тумане.*

Есть у поэта и стихотворение «Сталин», в котором он более подробно характеризует вождя:

*Он первый соблазны отринул
И, тьму сокрушая мечом,
Христа от себя отодвинул:
«Постой, дорогой, за плечом!»*

*Забыли об этом живые,
А мертвое наше — мертво.
Но зло и грехи роковые
Он взял на себя одного.*

*Сегодня попы проклинаят
Былое сиянье меча...
А что они помнят и знают,
Что видели кроме плеча?*

*Теперь, когда гибнет столица,
В клубок завивается даль.
Я буду неслышно молиться
За эту державную сталь.*

*Он первый соблазны отринул,
Ломая века и уста,
Он церковь плечом отодвинул,
И церковь осталась чиста.*

*Сегодня он там, где и надо,
Но, с богом припомнив родство,
Он все преступления ада
Возьмет на себя одного.*

Завершающую часть своего пребывания на этом свете М. Анищенко провел в деревне. Рискну предположить, что именно эта страница биографии позволила ему по-новому посмотреть на российскую действительность и создать яркие образы, обога-

208

тив свой поэтический язык оригинальными художественно-изобразительными средствами и народной лексикой. Анищенко пишет только о том, что стало для него болью, страданием, счастьем. Именно поэтому у него так много пронзительных строк, читать которые без волнения просто невозможно. Все чаще его лирический герой находится в окружении природы и в гуще сельской жизни:

*И снег, и дождь... Растерзанный причал
Уводит вдаль потешный ледокольник...
А в темноте скитается печаль,
Звенит, звенит коровий колокольчик.*

*Я жду тебя. Я жду тебя и жду
Из всех твоих немислимых америк.
Лишь ты одна по тоненькому льду
Ходить умела с берега на берег.*

*Лишь ты одна — летящая душа! —
Бежала мне навстречу и кричала...
А в этот год ты так и не дошла
До нашего последнего причала.*

*Я жду тебя. Я жду тебя и жду,
Тревожа заживающую рану...
Я сам пойду по тоненькому льду,
Как только ждать и верить перестану.*

*Ну а пока — растерзанный причал
Уводит вдаль потешный ледокольник...
А в темноте скитается печаль,
Звенит, звенит коровий колокольчик.*

Вадим Карасев, характеризуя лирику М. Анищенко, очень точно подметил: «Во многих его стихах — трогательная, почти безнадежная попытка достучаться до сердца человека, оказавшегося в кабале цивилизации, чтобы освободился он от шелухи буден и оказался один на один с огромным, бесприютным, но свободным миром природы». Не секрет, что потребительство сегодня зашкаливает. По сути оно превратилось в одну из модных форм саморазрушения личности.

В лирике М. Анищенко постоянно с разной степенью накала звучит вопрос о поиске смысла жизни:

*То ли ночь, то ли жизнь на исходе...
Для чего же мне рваться туда?
Я ведь знаю, что тот, кто уходит,
Все равно не придет никуда.
Надо жить, как цветы и деревья,
Надо падать в свою борозду...*

Или:

*И снова его вдоль обочин
вел ветер бездомья, как бес.
Но не было речек молочных,
не падала манна с небес.*

*Он мчался. Судьба моросила.
Скользили года у виска.
Везде была та же Россия,
любовь ее, боль и тоска.
И, думая думу устало,
не мог он никак осознать,
что все у него отмелькало,
хотя продолжает мелькать.*

Эти стихи способен воспринять лишь тот читатель, кто понимает, что отправляясь на поиски смысла жизни, попадаешь в лабиринт.

Нельзя не отметить чрезвычайно яркий художественный язык поэзии М. Анищенко, который позволяет получать нам громадное эстетическое удовольствие. Ну как можно не восторгаться такими строками: «Под березой родник волновался как сердце, журавли пролетали, глотая печаль», «Хорошо на земле — до того, что мурашки гуляют по коже!», «Замолчит телефон, загрустит, как собака на холоде», «Я вас любил, как любят жизнь, когда уже стоят на плахе» и т. д.

С помощью все новых и новых метафор и других художественно-образительных средств поэт создает удивительные образы: в его лирике мечутся жизнь и смерть, библейские персонажи соседствуют с современниками, мистика переплетается с реальностью и в каждой строфе чувствуется, что автор — русский поэт. Мне представляется, что Анищенко поставил перед собой цель создать произведения на уровне классиков и настойчиво шел к этой цели. Да, на этом пути у него было много трудностей: вместе с целью мы выбираем и препятствия. И у Михаила Всеволодовича хватило терпения преодолеть их. И тут мы лишний раз убеждаемся, что терпение — оружие умных.

Нередко, рассуждая о творчестве современных поэтов средненького уровня, литературные критики увлекаются хвалебными эпитетами. Дескать, у поэта Х. и сильные символические образы, и художественная условность, и сюрреалистичность происходящего в смешении с обытовляющими подробностями, и композиционные повторы, и динамика действия, и острота конфликта, и индивидуальность стиля, и еще много чего. Однако это, увы, крайне редко соответствует действительности. А вот в лирике М. Анищенко все это действительно присутствует в полной мере. Любимой поэт — человек впечатлительный и страстный. Таким был и Анищенко. У него немало стихотворений о ярких душевных порывах, которые он пережил в молодости и о которых написал в зрелом возрасте. Когда догорит костер страстей, еще долго тлеют угли воспоминаний.

Немало тех, кто утверждает, что поэзия М. Анищенко пессимистична. Оптимизм и пессимизм — это образ мышления. Оптимизм порождает энтузиазм, пессимизм губит его. Безусловно, были и такие моменты, когда поэт проваливался в яму пессимизма. Однако, судя по всему, Анищенко занимался творчеством с энтузиазмом. Значит, по натуре он все-таки был оптимистом.

После того, как Михаил Анищенко ушел в вечность, его поэзия начала уверенно шагать по России. В литературных изданиях чаще стали появляться стихи Анищенко. В Интернете оживленно обсуждается его творчество. Некоторые литературные критики обратили свой взор на творчество талантливого поэта. На родине Михаила Анищенко в Самаре проводится ежегодный фестиваль его имени. Там же в этом году вышло собрание его сочинений в двух томах. Будем надеяться, что это только начало...

Владимир Грусов
(г. Мончегорск, Мурманская область)

СЕРДЦА НЕСУЕТНОГО ТЕПЛО
(о поэтическом творчестве Ольги Беспаловой)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Уже при первом прочтении, я бы даже сказал с первых строк, стихи Ольги Беспаловой вызвали у меня не просто симпатию, но истинную приязнь и радость, что и я причастен, мало того, привержен не только тематике ее стихотворений, но и тому, как реализуются эти темы. Что это за темы? Они на первый взгляд просты, но вместе с тем они вечны: родная земля, жизнь человеческая, семья, любовь... Причем первая, на мой взгляд, отличительная особенность этих стихов — они не требуют, что называется, «вчитывания» и мучительного осмысления, и сие продиктовано отнюдь не примитивной простецкостью, нет, напротив, подобный эффект порожден высоким профессиональным уровнем произведений, их неподдельной искренностью, глубиной и абсолютной естественностью содержания, вызывающей у читателя доверие и к стихам, и к автору.

*Как важно знать о маленькой себе,
Что ты причастна к большому-большому,
Но, жить боясь от одного к другому,
Довериться придирчивой судьбе:
Влюбиться в червоточинку листа
Кувшинки (не в кувшинку-недотрогу)
И выучить — до камушка — дорогу,
Ведущую в заветные места.
Идти по ней и знать: там, впереди,
За поворотом — луг, а дальше — сосны...
Как важно быть собой, пока не поздно,
Пусть маленькой, но с памятью в груди.*

Ольга Беспалова — безоговорочно и уже давно и основательно сложившийся поэт, коему чужды нарочитые красоты, звонкие, но пустые декларации и вообще какая бы то ни было парадность. Ольга говорит, конечно, не шепотом, но вполне уравновешенно и даже как-то спокойно, однако, ее строки наполнены огромным внутренним потенциалом, не расходуемым понапрасну, не расплескиваемым в пустых словопрениях, что, по-моему, вообще чуждо автору не только в поэзии, но и в повседневной жизни.

*Сухое печиво дороги.
Лес словно выкошен косой.
Здесь дроворуб корявил слог —
Гортанно, матерно, с лихвой.*

*Стирая пот со лба верхонкой,
Он осторожно не курил,
Чтоб — не дай бог — в чащобе звонкой
Не полыхнуло до Курил.
Не полыхнуло, не кольнуло
В душе: «Чужое не мое» —
Когда листвою береза льнула
К плечу пилившего ее.*

Еще одно достоинство стихотворений Ольги — в них чувствуется присутствие огромной женской интуиции, качества, несущего женщине истинную жизненную мудрость. Нет, я не хочу назвать стихи Ольги откровенно «женскими», скорее женственными, лиричными, тонкими. Именно тонкими, а не утонченными, без салонного эстетства и прочей куртуазности. На мой взгляд, ее поэзия некоторым образом опровергает утверждение Юрия Кузнецова, что у женщины в поэзии три пути: истерический, т.е. цветаевский, путь рукодельницы, соответственно, ахматовский, и третий, нечто среднее между первыми двумя. Но вот у Ольги Беспаловой определено свой путь и голос ее звучит внятно и основательно, без истерических ноток и «дамских» капризов. Если вновь обратиться к приведенному выше стихотворению, то невольно обращаешь внимание на удивительную смысловую и эмоциональную наполненность финальных строк. «Когда листвою береза льнула // К плечу пилившего ее» — это ведь не декор, не эффектная постмодернистская «фенечка», кстати, строки могут быть и началом стихотворения, но лаконичная, а оттого и предельно глубокая характеристика сути русской женщины. Вам не показалось? А я просто уверен, что сие именно так. И ведь, что интересно, строки подобного рода могут жить отдельно и вместе с тем прекрасно вписываются в контекст. И вот тут конкретика непостижимым образом сочетается с многогранностью, а подобное встречается не столь уж часто.

Ольга Беспалова — поэт, творчество которого не может быть строго и полностью классифицировано в части отношения к «почвенникам» и «горожанам». Конечно, хоть сие и не особенно важно, стихи ее в известной мере смещены все-таки в сторону первых. Сейчас подобные «условности» едва ли актуальны, но еще одна грань дарования Ольги — владение стилем пейзажной лирики, жанра, совершенно не приемлющего никаких резких движений, конвульсивных якобы озарений и прочей белиберды. Тем более, что она, родившаяся и выросшая в архангельской глубинке, можно сказать — истинная дочь Русского Севера, ныне живущая в славных Холмогорах, вполне естественным образом является ярким представителем архангельской поэтической школы — основательной, мощной, богатой изумительной лексикой, поэтикой, стилистикой. И «тихая лирика» для северной поэзии не просто органична, она атмосферна, она рождается одним дыханием.

*А снег сегодня — голубой.
Всю ночь, с черной синью споря,
он шел и застелил собой
мой двор, село, и лес, и поле.
И я боюсь, боюсь с утра
поверить в голубое чудо,
смотрю с высокого крыльца —
и не дышу широкогрудю:
как будто каждый полный вдох
лазурь пушистую погубит...
Сегодня невесомый Бог
нас любит.*

Однако же порой в стихах Ольги Беспаловой можно отыскать нечто совсем иное, обладающее весьма редким и очень интересным качеством сострадательной иронии, если угодно, с лапидарными инспирациями *a la* Арсений Тарковский и даже аллюзиями классических образов. Подобные решения всегда интересны, тем паче помещенные в совсем иные рамки времени и места действия. Но и в таких случаях автор сохраняет в подтексте теплоту и корневое доброе отношение к происходящему, в чем и состоит провозглашенная мною сострадательная ирония. И звучащий в финале вздох — «Россия, осень. Как тут не запьешь» буквально толковать не следует, ибо алкоголь и действия с ним связанные в литературе, в поэзии, особенно в русской, обладают метафизической сущностью и уж вовсе не являются обычным средством опьянения. Но это к слову.

*...Когда твой конь на переправе сдох,
Иди пешком до станции Печонки
И там сиди в своей шинельке тонкой
И думай, что смотритель дюже плох:
С утра он пьян, неряшлив и плаксив,
О блудной дочке — по второму кругу.
Ему бы, невеселому, подругу,
Да больно безобиден и труслив.
Тоска в Печонках. Ты, зевая, ждешь
Какой-нибудь непутной, но попутки.
А дождь стучит в стекло вторые сутки.
Россия, осень.
Как тут не запьешь.*

Однажды, общаясь с Ольгой в сети, я вдруг спросил у нее, давно ли она перестала читать Иосифа Бродского, на что собеседница немного удивленно ответила в том смысле, что если и читает, то в небольшом объеме и не столь уж часто. Тогда я обратился к стихотворению Ольги «Горе от ума» и сказал, что даже знаю с какими стихотворениями Бродского оно в точности созвучно и даже схоже по «конструкции» и образному ряду. Тут все очень наглядно. Кто желает, может ответить на этот вопрос самостоятельно. Я же, отметив данный факт в качестве курьеза, ну, не все же с серьезной физиономией излагать свои рецензионные озарения, скажу, что подобные случаи бывают и у самодостаточных авторов, исключая попытки подражания, хоть само стихотворение интересное и живет себе вполне самостоятельно.

*В каплях веснушек форзац пожившей книги.
Мама читала в классе восьмом, пожалуй.
Лет пятьдесят прошло. А игра интриги
Не убыла нисколько, не стала вялой.
Чацкий, как прежде, утром к подружке рвется,
Думает дерзко: подружка — рубаха-парень.
Сердится Софья, сердится — не смеется:
У тетки в Саратове хлопает громко ставень...
Мама, ты знала? Чацкий не любит Софью —
Любит себя — и это неисправимо.
А Грибоедов пьет на террасе кофе
И в классе восьмом проходит.
Поспешно.
Мимо.*

Поэзию Ольги Беспаловой отличает также очень широкий лексический спектр. Она очень умело, споро, работает со словом, что конечно же разнообразит и украшает ее стихи. Она не столь часто использует те же диалектизмы, как, например, ее землячка Ирина Кемакова, но и это не мешает Ольге писать в различной стилистике, а самое главное избегать искусственного «подстраивания» под ту или иную манеру. Нет, все очень естественно, и веришь сказанному, и видишь то, о чем повествует автор.

*Дедушка, где ты? Не спишь? Припозднилась я очень...
Я это — Марья. На службе была, говорю.
Вот принесла к Рождеству тебе кашку и сочень.
Может, давай я маленько тебе подсоблю?
Хочешь, полы подмету да картошки почищу.
Вон уж звезда загорелась, вечерять пора.
Холодно... Волки сутулые по лесу рыщут,
Найку соседскую съели, похоже, вчера.
Ты не серчай, что пришла без званьЯ. Я недолго.
Дома-то мыши одни да сверчок-стрекозун.
Вижу, рукав прохудился. Да есть ли иголка?
Что ли зашью. Эх, тебе поновее б зипун...
Что? Не ворчу я. А может, тебе бы котейку?
Мурка вчера родила, да вот жаль утопить.
Много ли надоть ему? Он не просит копейку —
Рыбки-то я принесу да водицы попить.*

Кроме принадлежности к русской поэзии у Ольги Беспаловой есть еще по-крайней мере две высокие ипостаси, она — школьный учитель, она — жена и мама. Я думаю, нет, я просто уверен, что не будь семьи, не было бы и поэта Ольги Беспаловой.

В противном случае не написались бы стихи, посвященные дочери, и вообще детям и о детях, не было бы воспоминаний о бабушке, речи не шло бы об учениках, вообще ничего этого не было бы. Вопрос — а что тогда было бы? Рассуждать, насколько важны для женщины семья и дети, я даже не начну, ибо это те корни, из коих и произрастает сама жизнь, а с нею и поэзия.

*Стрижку ей хочется,
в Вологду
и ноутбук.
И музыкалку бросить
(но я не дам).
Не приглашает в гости к себе
подруг,
чему-то в смартфоне смеется
по вечерам.
Кутает ноги в плюшевый тонкий плед,
в угол дивана скомкавшись,
пьет кефир.
«Мам, почитать чего,
чтоб остался след,
чтобы про мудрость,
жизнь,
ну, вообще про мир?»
Моет посуду,
мне наливает чай:*

*«Мам, испечем в субботу чего-нибудь?» —
«Знаешь,
Ремарка,
может быть,
почитай...
Только уроки сделать
не позабудь».*

Человек и его, с позволения сказать, ресурс, конечно же, не беспределен. Острейшие жизненные коллизии, маленькие, а порой и огромные трагедии, профессиональное выгорание, житейские неурядицы, все это, свойственное практически любой судьбе человеческой, неизбежно приносят как минимум усталость, и зачастую, если не страх, то некую презумпцию опасности, живущую в подсознании, поскольку и в повседневности нам чаще сопутствует негативный или печальный опыт, — все это наверняка более чем знакомо и Ольге Беспаловой. Женщины, как известно, отличаются подчас куда большей стойкостью, нежели мужчины, но вера в лучшее и надежда на счастливое завтра могут вдруг сами собой выворачиваться наизнанку и становиться чем-то вроде тихой мольбы, с обязательным воспоминанием о лучших днях.

*Не надо со мной об утратах, прошу, не надо.
Чем старше, тем чаще думаешь: быть беде.
И стали тревожить будущность листопада
И рябь на когда-то гладкой речной воде.
И голая правда зеркала ненавистна
И в правом плече работы застрявший гвоздь...
Ты помнишь июль? Как солнце было лучисто!
И рохлой морошки в кружке каталась горсть.*

Но «дождь не может лить вечно», а плохое и хорошее в жизни идут вдвоем, рука об руку, так вот и качается это коромысло, увлекая за собой наши эмоции и ощущения, и вдруг, самым странным образом, приходит понимание, что никуда от подобного порядка вещей не денешься, да и не следует никуда деваться, ибо бежать от жизни глупо, если не смешно, а вдвоем с близким человеком пережить можно любые потрясения. И тогда у Ольги Беспаловой рождаются такие вот строки:

*Дождь кончился. Омытая трава
Зазеленела яростно-кипуче,
Залепетала влажная листва
Чуть слышно благодарные слова
Истекшей туче.
А час назад рябина под окном
Мертвела, обессилена жарою,
И был ей нужен этот дождь и гром,
Как крик и слезы. Так и мы вдвоем
Живем грозою.*

Безусловно, творчески Ольге Беспаловой есть куда расти и в чем совершенствоваться, есть над чем работать, опять-таки уверен, что кто-то отыщет в ее стихах некие «недоработки», но я намеренно не стану сейчас делать ничего подобного, ибо в данном случае очевидные достоинства превалируют над возможными недостатками с явным преимуществом.

*Не зовите меня поэтом —
Просто автором этих строчек:
Ничего не писалось летом —
Лишь мечталось средь белых ночек,
Только бегалось по болотам,
Да качалось в траве былинкой,
Куковалось: а завтра — что там?
Лепетало в окне осинкой,
Чайкой белой по-над Двиною
Вод неспешных едва касалось,
Одурманенное луною
Целовалось, ох, целовалось...
Ничего не писалось летом.
Только утром сегодня, в восемь,
Неуютным, сентябрьским светом
Разбудила вдруг душу осень.*

Когда-то Лев Толстой в беседе с выдающимся юристом Анатолием Кони высказался о качестве литературного произведения в том смысле, что у автора на первом месте должно стоять само содержание, его наполненность и осмысленная эмоциональность, на втором месте любовь, а техника исполнения — лишь на третьем, и то при наличии двух первых признаков, она сама собой сформируется должным образом. Сказано это было о прозаическом творчестве, но я считаю возможным применить сию формулу и к «изящной словесности». Мне кажется, что стихи Ольги Беспаловой формулировке классика вполне соответствуют. И, констатировав данный факт, мне остается лишь искренне порадоваться за мою коллегу и пожелать ей дальнейшего результативного творчества.

Валентин Огнев
(г. Щекино Тульской области)

КУПЦЫ НЕЧАЕВЫ ГОРОДА ЕФРЕМОВА

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Купцы Нечаевы... Много пишется, рассказывается об их деятельности в городе Ефремове Тульской губернии. В публикациях, рассказах отражается их купеческий период с момента, когда якобы разбогател Патрикей. На вопрос о корнях Нечаевых, у ефремовских краеведов нельзя получить конкретного ответа. Одни говорят, что их корни ефремовские, другие, что им неизвестно. Не было получено конкретного ответа и на вопрос, каким образом они стали ефремовскими купцами. В ходе бесед выяснилось, что отдельные жители города Ефремова выдающего певца Владимира Александровича Нечаева считают знаменитостью города. Поэтому дополним и уточним известные сведения новой информацией ефремовский период жизни Нечаевых.

В Тульском Государственном архиве хранятся документы, касающиеся купцов города Ефремова. По изученным источникам восстановим жизненный путь семейства Нечаевых: откуда они прибыли на ефремовские земли, как именно они вошли в купеческое сословие, расскажем, каким образом певец связан с Ефремовской землей.

Если внимательно просматривать архивные документы конца 18 века, то сразу же можно сказать, что корни рода Нечаевых не связаны с ефремовским краем.

В ревизской сказке 1795 года купцов города Ефремова имеется следующая запись: «Вдова Наталья Петрова дочь Нечаева 50-и лет, у ней дети написанные по 4 ревизии: Петр холост, 25-и лет, Никита холост, 17-и лет. Оной вдовы Нечаевой дети по 4-й ревизии находились Малоярославецкого уезде села Кутепова при церкви неопределенными церковниками. ... вдова Наталья Нечаева с детьми за неплатежом с капиталу процентных денег выключены в мещане и в сказке мещанской с семействами их показаны наличными».

В ревизской сказке мещан города Ефремова за 1795 год о семье Нечаевых сделана следующая запись: «Вдова Наталья Петрова дочь Нечаева 60 лет, у ней написанной по 4 ревизии сын Петр Дмитриев 35 лет, у него жена Дарья Герасимова дочь 25 лет Ефремовской Округи села Хмелеваго диаконова дочь, у них дети рожденные после ревизии: Иван 5 лет, дочь девка Акилина 3 лет».

Отдельной семьей в переписи мещан записан: «Никита Дмитриев сын Нечаев 27 лет, у него жена Акилина Александрова дочь 25 лет города Ефремова Соборной Троицкой церкви умершего дьячка Александра Семенова дочь».

Эти записи говорят о том, что на 1782 год вдова Наталья Петровна Нечаева с сыновьями Петром и Никитой проживали в селе Кутепова Малоярославецкого уезда Калужского наместничества. Петр и Никита были при церкви Михаила Архангела неопределенными церковниками. Уже после 1782 года Нечаевы прибыли на местожительство в Ефремовский уезд, став ефремовскими купцами, как и другие неопре-

деленные церковники с Елецкого, Богородицкого и др. уездов. Из этой записи также усматривается, что в 1794 году семейство Нечаевых состояло в купеческом сословии, но не уплатив проценты с капитала на 1795 год были переведены в сословие мещан. Какой период времени они будут состоять в мещанском сословии обозначено далее.

Изучая материалы ревизских сказок 1816 года, встречаем, что Нечаевы продолжают числиться в мещанском сословии. Иван Петрович Нечаев 24 лет проживает с матерью Дарьей Герасимовной 55 лет. У Ивана Петровича жена Надежда Федоровна 25 лет и две дочери Анна 6 лет, Марья 2 лет. Продолжает проживать отдельной семьей Никита Дмитриевич Нечаев 46 лет с женой Акулиной Александровной 43 лет. Их первый сын Патрикей 17 лет женат на Дарье Яковлевне 18 лет (В документах ревизских сказок пишется Петрикей), а второй сын — Иван, умер в 1814 году.

При просмотре ревизской сказки мещан г. Ефремова за 1834 год, вновь встречаем записи о Нечаевых. По записи № 101 Иван Петрович Нечаев 42 лет с сыном Иваном остаются в мещанском сословии. А вот согласно записи № 102 Никита Дмитриевич Нечаев с сыном Патрикеем «выбыли в купечество своего города». Для проверки этой записи просмотрим ревизскую сказку купцов 1834 года города Ефремов. В документах за № 107 указывается полный состав семьи Никиты Дмитриевича Нечаева. В отношении его имеется отметка, что он умер в 1831 году. Жене Никиты Дмитриевича Акулине, 61 год. Далее представлена семья их сына Патрикея, 35 лет. У Патрикея жена Дарья, 36 лет. От совместного брака они имели 5 детей: сыновей: Иван, 9 лет, Егор, 7 лет, дочерей: Марья, 16 лет, Александра, 10 лет, Акулина, 1 год. Жена Патрикея Дарья Яковлевна умерла 2 ноября 1835 года. В ревизской сказке Нечаевых имеется приписка «из мещан своего города 1830 год». Эта приписка говорит о том, что Нечаевы с соблюдением порядка объявления капитала перешли в купеческое сословие в 1830 году. В мещанском сословии они пробыли 35 лет. Здесь необходимо отметить, что в купеческое сословие из мещанства перешел Никита Дмитриевич с семейством, а не один Патрикей, который якобы разбогател нечестным путем. Многие мещане, правильно ведя торговую деятельность, получали большие доходы и переходили в купеческое сословие.

В изученных материалах ревизских сказок 1858 года имеется «Ревизская сказка тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года апреля десятого дня города Ефремова Тульской Губернии 3 гильдии купца Патрикея Никитина Нечаева о состоящих мужского и женского пола душах». Из документа видно, что главой семьи является Патрикей Никитович Нечаев 58 лет. Его первый сын Иван умер в 1858 году. У Ивана остались жена Раиса Ивановна, 29 лет, с сыновьями: Иван 4 лет, Сергей 2-х месяцев, дочерьми: Татьяна 10 лет, Вера 8 лет, Александра 6 лет, Клавдия 1-го года, которые проживали совместно с Патрикеем Никитовичем. Совместно с ним проживала и семья его второго сына Егора, 30 лет. Жене Егора Надежде Михайловне было 29 лет. Они имели 4-х дочерей: Платонида 7 лет, Софья 4 лет, Марья 3 лет, Ольга 1 год. С Патрикеем Никитовичем проживала и его дочь Анна, 17 лет.

В XIX веке официальный порядок купеческой семейственности был следующим. Купцам, уплатившим гильдейский сбор, выдавали свидетельство, куда кроме главы семейства вписывались члены его семьи. Сенатский указ от 28 февраля 1809 г. устанавливал круг родственников, которые могли быть вписаны в этот документ. Ими могли быть жена, сыновья и незамужние дочери. Внуки включались лишь в случае, если в свидетельство были вписаны их отцы. Братья могли быть вписаны в свидетельство, если они объявили наследственный капитал и уплатили с него налог на перевод наследства. Все остальные родственники не могли быть включены в «купеческое свидетельство», а имели право состоять в сословии только от своего имени. Здесь хочется отметить, что получатель гильдейского свидетельства мог и не включить в список кого-то из членов семейства по определенным своим причинам. С 1863 года существовали только первая и вторая гильдии, третья была отменена.

В именную ведомость о купцах и семействах их, как состоящих в 1867 году, так и на 1868 год объявивших капитал и не объявивших капитал, были внесены следующие персоналии описываемого рода Нечаевых. Гильдейское свидетельство с 1863 года оформлено на Нечаева Патрикеева Никитовича 68 лет. В ведомость были включены и другие члены семьи: его сын Егор 39 лет с женой Надеждой Михайловной 37 лет и их дети: дочери — Платонида 16 лет, Софья 14 лет, Мария 12 лет, Ольга 11 лет и сыновья — Николай 10 лет, Михаил 9 лет, Патрикеев 4 лет, Павел 1 года. В гильдейское свидетельство была вписана и жена умершего сына Ивана Раиса Ивановна с детьми: Иваном 16 лет, Сергеем 11 лет, Татьяной 18 лет, Верой 11 лет, Александрой 10 лет, Клавдией 9 лет.

Вышеуказанный документ составлялся ежегодно. Так, в именной ведомости Ефремовской Городской Управы о купцах, возобновивших и не возобновивших на 1880 год гильдейских свидетельств по гор. Ефремову, владельцем свидетельства значился Нечаев Егор Патрикеевич 30 лет (возраст указан по ревизской сказке 1858 года) и вписана его жена Надежда Михайловна с детьми: Николай 20 лет, Михаил 19 лет, Патрикеев 18 лет, Павел 11 лет, Варвара. Также в свидетельство была записана жена умершего брата Ивана Раиса Ивановна и ее дети: Иван 4 лет, Сергей 2 мес., Клавдия — выдана в замужество (возраст указан по ревизской сказке 1858 года).

А в аналогичном документе о купцах, состоявших в 1906 году по городу Ефремову, вновь возобновивших сословных свидетельств на 1907 год, видим, что три сына Егора Патрикеевича и внук уже имеют отдельные действующие сословные свидетельства.

— Нечаев Николай Георгиевич 47 лет, по 1-й гильдии.

— Нечаев Павел Георгиевич 40 лет. В свидетельство включены его жена Ольга Михайловна 37 лет и дети: Владимир 8 лет, Георгий 5 лет. Причислен Тульскую казенную палату 27 мая 1906 года за № 11352 из бывших купцов города Ефремова. Это говорит о том, что Павел Георгиевич ранее отчислся из купеческого сословия в мещанство за не возобновление сословного свидетельства.

— Нечаев Михаил Георгиевич 45 лет. У него жена Анна Петровна и дочь Надежда 15 лет.

— Нечаев Иван Иванович 51 год, жена Екатерина Ивановна. В свидетельство внесены также их дети: Николай 19 лет, Иван 17 лет, Сергей 12 лет, Тихон 8 лет, Клавдия 20 лет, Анна 16 лет, Варвара 15 лет, Александра.

Купцы Нечаевы активное участие принимали в самоуправлении города. Они избирались гласными, входили в состав различных присутствий, комитетов, учреждений и почти 20 лет состояли руководителями города. Очень много полезных, добрых дел сделали для жизнеобеспечения уездного города.

Должность председателя городской думы и городской управы города Ефремова с 1899 года по 1907 год занимал купец Нечаев Николай Егорович. Также председателем городской думы и городской управы города Ефремова с 1908 года по 1917 год был купец Нечаев Иван Иванович.

Будучи глубоко верующими людьми, Нечаевы большое внимание уделяли в Ефремовском уезде на благополучие отдельных церковных приходов, на благотворительную деятельность.

Нечаев Георгий Патрикеевич был длительное время церковным старостой Николаевской церкви г. Ефремова. Вносил крупные суммы на украшения храма, содержание певчего хора, в пользу попечительства, приобретал церковную утварь и другое имущество. Георгий Патрикеевич жертвовал денежные средства и в другие церкви уезда — с. Никольское, Пономарево. Его жена Раиса Ивановна также жертвовала денежные суммы и церковную утварь церквям уезда. Сын Николай в разные годы был церковным старостой церковью с. Красивое Ушаково Ефремовского уезда, Николаевской, Соборной Троицкой, Преображенской кладбищенской г. Ефремова. Он финан-

сировал строительство расширения трапезной и колокольни церкви с. Красивое Ушаково, покупку чугунного креста на шпиль церкви с. Старый Гоголь.

Семейную традицию подхватывали и другие Нечаевы. Нечаев Иван Иванович в разные годы был церковным старостой Дмитриевской церкви с. Дмитриевское Семенек, Николаевской церкви г. Ефремова. Приносил в дар крупные денежные суммы в указанные и другие церкви уезда. Нечаев Михаил Егорович служил в должности церковного старосты Никольской церкви г. Ефремова. Жертвовал денежные суммы на ремонт и украшение храма. Нечаев Павел Георгиевич, церковный староста церкви с. Красивое Ушаково Ефремовского уезда, жертвовал денежные суммы на ремонт церкви с. Дубики. Нечаева Анна Петровна, купчиха, была попечительницей образцовой одноклассной школы при Никольской церкви г. Ефремова.

Купцы Нечаевы являлись одними из богатейших людей города Ефремова. Каждый из них имел по несколько домовладений в городе. Владели они торговыми заведениями, имели заводы, мельницы, у них были обширные земельные владения, где выращивали сельскохозяйственную продукцию. Вот об этом расскажем в нашей дальнейшей истории о купцах Нечаевых.

Нечаеву Ивану Ивановичу в городе Ефремове принадлежало несколько домовладений. В одном из них он проживал с семейством, а другие сдавал в аренду. Отдельным домовладениям дадим краткую характеристику на 1913 год, на основе архивных документов.

Проживал с семьей Иван Иванович в домовладении, расположенном по улице Большой и Тургеневская квартал 34, в квартале под № 7 и городскими № 834—835. Фасад дома выходил на улицу Большая. Ему принадлежала земля и постройки усадьбы. Под двором и строениями было занято 868,0 квадратных саженей, а 200,3 — под пустырем. На 1913 год усадьба не заложена, все постройки страховались в страховой компании по оценочной цене на сумму 30 000 рублей. Жилых помещений было оборудовано 23 с 37-ю окнами. Здание двухэтажное. Отапливались помещения 10-ю печами, в том числе одной русской. Располагались в здании еще 4 неотапливаемых комнаты с одним окном. Используемая площадь под двором была замощена камнем. На усадьбе находились каменная помойная яма и цементная выгребная яма. Тротуары площадью 62,7 кв. сажень также замощены, а на 10,0 кв. саженях использовался каменно-плиточный материал.

Чтобы поддерживать домовладение в хорошем состоянии, для этого выделялись денежные средства. Расходы по имуществу для Нечаева И. И. распределялись следующим образом: специальные — водопровод, отопление, освещение места, набивка ледника, содержание — дворника, ночного сторожа, ремонт — зданий, мостовой, тротуара, ворот и ограждения, на очистку — двора, улицы, помойных ям, дымовых труб, расходовались деньги и на вставку стекол. В 1909—1912 годах на содержание домовладения в год уходило 4057 рублей.

На территории усадьбы имелись здания производственного назначения смешанной постройки площадью 47,50 кв. саженей и 4 каменные постройки хозяйственного назначения. В хозяйственных целях использовались и два навеса.

По адресу г. Ефремов, улица Никитская, квартал № 44, в квартале № 1-а, городской № 954 и 955 владельцем домовладения также являлся купец Нечаев Иван Иванович, а владельцем построек был мещанин Нашатырев Егор Дмитриевич. Для построек он арендовал землю у владельца домовладения. Усадьба занимала площадь в 2041,30 квадратных саженей: под постройками было 30,70, под огородом — 2010,60, в глубину двора — 82,57, по улице — 25,14. Из всей площади 7 кв. саженей сдавалось в аренду. Помещение состояло из 2-х комнат, с 4-мя окнами, отапливалось одной печью. По этому же адресу, но только в квартале № 1-б Нечаев сдавал землю в аренду под постройки мещанке Панкратовой Марии Федоровне, 7 кв. саженей. Помещение состояло из одной комнаты, с четырьмя окнами.

Нечаев И. И. имел большие земельные угодия с расположенными на них хуторами в Ефремовском уезде (Дмитриевская, Ступинская, Старогольская, Старо-Казачья волости) и 10 хуторов в Новосильском уезде, где выращивал сельскохозяйственную продукцию. Так при с. Дмитриевское Семенек у него было 4 земельных участка — 356,61 сажень и один участок 193,00 сажень, при с. Спасское — 368, 94 сажень, при д. М. Лотошок два участка — 346,00 сажень и в др. населенных пунктах.

Всем хорошо известно, что хутор — это отдельное домовладение, отдельная крестьянская усадьба с обособленным хозяйством. Создавали хутора и крупные землевладельцы. Они не предназначались для постоянного проживания населения. Их роль в основном заключалась для более эффективного использования рабочей техники и наемной рабочей силы. На разных хуторах имелись разного рода постройки, которые предназначались для хранения сельскохозяйственной техники, для временного хранения собранной сельскохозяйственной продукции с близлежащих полей и для других целей.

На хуторах купца г. Ефремова Ивана Ивановича Нечаева происходили и неприятные для него события. В сентябре-ноябре 1910 года на территории отдельных хуторов, расположенных в юго-восточном направлении Ефремовского уезда, было совершено несколько поджогов стога соломы и сена:

1. При селе Семенек в 9 часов вечера 22 сентября 1910 года сгорело соломы до 1500 копен.

2. 22 сентября 1910 года в 9 часов вечера при сельце Спасском сгорел стог сена до 900 пудов.

3. При сельце Спасском в 8—9 часов вечера 10 октября 1910 года сгорел стог сена до 500 пудов.

4. На хуторе Троенки при М. Лотошок днем 9 ноября 1910 года сгорел омет соломы до 400 копен.

5. На хуторе Лотошок в 8 часов вечера 13 ноября 1910 года сгорел стог сена до 900 пудов.

6. На хуторе Б. Лотошок в 6 часов вечера 20 ноября 1910 года сгорели два омета соломы до 700 копен.

Прибывший полицейский надзиратель Тульского сыскного отделения Моисеев под видом агронома с агентом Шаховым вышли в деревни, где совершались поджоги. В первую очередь они прибыли в д. Лотошок, где проживали подозреваемые. Подозрение в совершении преступлений падало на Гордея Архиповича Чемоданова и Антона Сергеевича Ханина. Они пьянствовали, а Гордей осуждался на три месяца в тюрьму за кражу деревьев, работая сторожем в имении Нечаева при д. Лотошок воровал рожь из риги.

На причастность к поджогам Гордея проверял Шахов. Каких-либо данных к совершенным преступлениям Гордея он не получил. Но Моисеев смог разговорить Антона. Антон рассказал, что однажды он с Гордеем Чемодановым приехали в город Ефремов. На одной из улиц они встретили 3-х лиц, которые в разговоре предложили поджигать имения Нечаева за определенную плату. Он с Гордеем согласился. За будущие совершенные поджоги они получили 9 рублей, т. к. обещали совершить 9 поджогов. Ими были изготовлены самодельные специальные фитиля, которые разгорались длительное время. Объект загорался после того, когда они уже были в других местах, т. е. создавалось алиби. Фитиля были заложены в 8-ми случаях. В 6-ти случаях случились пожары, а в 2-х случаях под стогами сена фитиля не сработали. Они были обнаружены работниками Нечаева. Таким образом к 5 декабря 1910 года преступления — поджоги были раскрыты.

А в ходе производства дознания чинами Ефремовской уездной полиции совместно с Тульским сыскным отделением о поджогах в хуторах Ефремовского Городского головы купца Ивана Ивановича Нечаева были установлены и заказчики. Основную

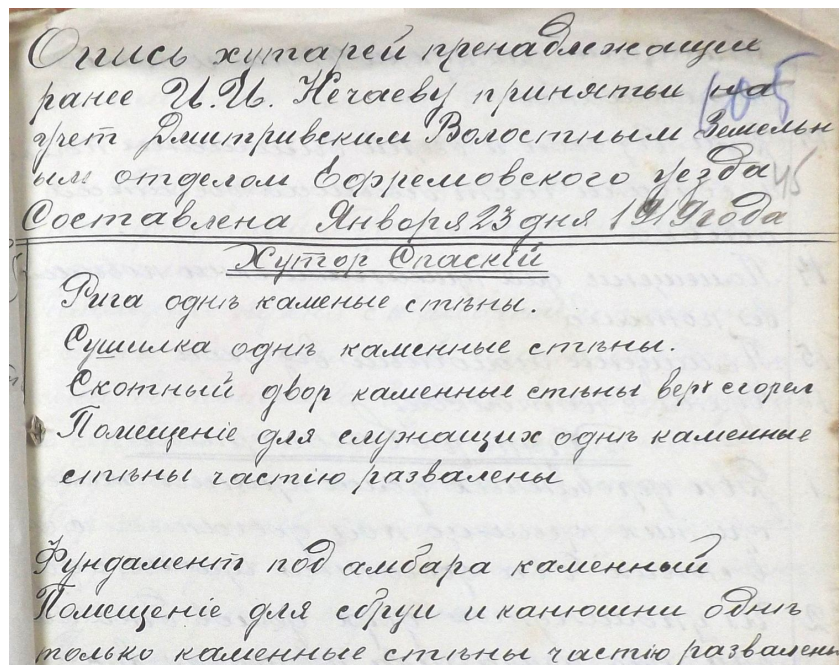
роль в этом заказе играл крестьянин Калужской губернии Калужского уезда Карачевской волости д. Лихун Афанасий Федорович Горин. При обыске его квартиры в городе Ефремове были найдены книги, брошюры и прокламации запрещенного характера. Горин в 1906—1907 годах принадлежал к Ефремовской группе РСДРСП. Лица, причастные к поджогам, собирались в городе Ефремове, в доме садовника Василия Дмитриевича Соколова, тестя Горина. Соколов и Горин были арестованы и дальнейшее расследование проводило жандармское управление.

Революционные события 1917 года явились основанием для погрома усадеб помещиков. Крестьяне уничтожали строения, разворовывали сельскохозяйственные орудия, скот. Не обошли погромы и хутора Ивана Ивановича Нечаева. На январь 1919 года в хуторах Федоровка и Троицки остались только фундаменты от строений. На хуторе Спасский от строений остались каменные стены, отдельные строения были частью развалены. На хуторах Малиновка, Костюрина, Лотошок были разворованы или уничтожены сельскохозяйственные орудия.

Остальное имущество Ивана Ивановича на хуторах конфисковали государственные органы. На 10 июня 1919 года составлялись списки лошадей и рогатого скота, взятого на учет Дмитриевским волостным земельным отделом. У Нечаева И. И. изъято: меринов — 72, кобыл — 6, жеребцов — 1, жеребят — 7, коров — 48, телок — 8, быков — 25.

Из анализа списков усматривается, что часть лошадей и рогатого скота самовольно уведена крестьянами из имений Нечаева. Отдельное количество «живого имущества» было продано волостным земельным отделом жителям волости, и только незначительные остатки безвозмездно переданы в пользование крестьянам. В списках указаны данные жителей, а название населенного пункта их проживания отсутствует.

На момент составления списков основная масса рогатого скота уже была зарезана. О данном факте в списке имеется отметка.

Фрагмент листа дела 188 описи 1 фонда Р-57 ГУ ГАТО

У Нечаева И. И. изымался мертвый инвентарь, в который входили сельскохозяйственная техника, орудия труда и конное снаряжение. Мертвый инвентарь, взятый на учет Дмитриевским волостным земельным отделом, составлялся 10 июня 1919 года. В нем указано: имение, наименование инвентаря, качество инвентаря, где находится на хранении, если выдано, то кому с указанием населенного пункта. Инвентарь выдавался жителям поселений волости.

Опишем отдельные имущественные объекты и остальных Нечаевых. Имел домовладения в городе Ефремове и земельные угодья в уезде Нечаев Павел Георгиевич. В карточке на домовладение 1913 года по адресу: город Ефремов, улица угол Красная площадь и Большой, № квартала 40, № в квартале 12, № городской 917 сказано, что владельцем усадьбы с постройками является купец Нечаев Павел Георгиевич. Усадьба за ним значилась по купчей крепости 1905 года. Двор и постройки занимали 416,50 квадратных саженей, в глубь двора расстояние 35,00 и по улице 12,25 сажень. Земля и постройки не закладывались, но страховались в Московской страховой компании в 1912 году на страховую сумму 29 400 рублей, при оценочной 30 770. В построенном здании находились 4 жилых комнаты с двумя окнами, отапливаемыми 2-я печами. Но большинство комнат использовалось как торговые — 16 помещений, имеющих 26 окон. На момент составления документа использовалось одно жило-торговое помещение и 9 торговых, которые сдавались. В сдаваемом жило-торговом помещении проживал 1 человек. Двор был замощен камнем и 47 кв. саженей тротуара.

За 1909—1912 годы расходовались деньги на ремонт: здания — 8 483,00 рублей, мостовой — 605,00 рублей, тротуара — 225,00 рублей, ворот и ограждений — 103,00 рубля, а также на различные услуги. На территории усадьбы находилось деревянное здание промышленного назначения и каменное хозяйственного. В одном из торговых помещений располагался часовой магазин.

В карточке на домовладение 1913 года по адресу город Ефремов улица Красная площадь, № квартала 40, № в квартале 10, № городской 915 сказано, что владельцем усадьбы с постройками является купец Нечаев Павел Георгиевич. Усадьба за ним значится по купчей крепости 1905 года. Двором и постройками занято 371,0 квадратных саженей, в глубь двора расстояние 35,00 и по улице 10,60 саженей. Земля и постройки не закладывались, но все страховалось в Московской страховой компании в 1912 году на страховую сумму 19 300 рублей, при оценочной 25 900. В построенном здании 3 жилые комнаты имели 5 окон, которые отапливались 2-я печами. 15 комнат, имеющих 20 окон, с 6 печами для отопления были отведены под жило-торговые, а три комнаты, имеющие 6 окон, под торговые. Две жилые комнаты использовались хозяином, в которых проживало 6 человек, одно жило-торговое и одно торговое сдавались.

На усадьбе находилась деревянная помойная яма, чистка которой ежегодно обходилась в 50 рублей. Тротуар площадью 1,60 кв. саженей был замощен. В течение 1909—1912 годов на ремонт здания израсходовано 2 785 рублей, а на ремонт мостовой 200 рублей. Также за вышеуказанные годы понесены расходы на очистку двора в сумме 200 рублей и вставку стекол в сумме 120 рублей. На усадьбе имелось каменное промышленное здание площадью 100,20. Это здание использовалось под хлебный склад.

И еще об одном домовладении Нечаевых. На 1913 год по адресу: город Ефремов, улица Николаевская, № квартала 16, № в квартале 16, № городской 396 владельцем усадьбы с постройками являлся купец Нечаев Павел Георгиевич. Усадьбой занято 588,10 квадратных саженей, в глубь двора расстояние 50,70 и по улице 11,60 саженей. В построенном здании располагались 3 жилые комнаты, имевшие 5 окон, отапливались одной русской печью. Одно жилое помещение сдавалось.

Имел Павел Георгиевич и земельные угодья в Ефремовском уезде. Вот что известно об одном из них. Имение Павла Георгиевича Нечаева находилось при Копы-

ловском хуторе Ушаковской волости Ефремовского уезда. Размер хутора составлял 5 десятин: на трех десятинах располагались постройки, а остальные — под лесом. Во время национализации Земельным комитетом Ефремовским уезда, после событий 1917 года, составлялись описи экспроприруемого хозяйства и имущества. На хуторе, согласно описи, расположены постройки: контора деревянная, крытая соломой, изба деревянная, крытая соломой, людская кирпичная, крытая железом, двор каменный, крытый тесом, рига, крытая соломой (отметка: развалилась), двухэтажный амбар, крытый железом, два амбара деревянные, крытые железом, сарай деревянный, крытый железом. Из имущества изъято: посуда, различный инструмент, сельскохозяйственные орудия труда, лошади, коровы, птица.

Продолжим описание имущества, принадлежавшего семейству Нечаевых. На 1913 год по адресу: город Ефремов, улица Орловская, № квартала 7, № в квартале 16, № городской 196/199 владельцем усадьбы с постройками являлся купец Нечаев Николай Георгиевич. Усадьба занимала 531,40 квадратных саженей, в глубь двора расстояние 49,40 и по улице 10,70 саженей. Домовладение не закладывалось, не страховалось. В построенном здании располагались 3 жилые комнаты, имевшие 5 окон, отапливались двумя печами, в т. ч. одной русской. Одно жилое помещение сдавалось, в котором проживало 8 человек. Если верить точности занесения данных в карточку домовладения, то расходы по имуществу этого домовладения ничтожны. С 1909 по 1912 годы было израсходовано всего 2 рубля 80 копеек, только на ремонт здания.

В карточке на домовладение 1913 года по адресу: город Ефремов, улица Большая, № квартала 40, № в квартале 13, № городской 1913 сказано, что владельцем усадьбы с постройками являются наследники купца Нечаева Николая Георгиевича. Двором и постройками занято 409,0 квадратных саженей, в глубь двора расстояние 40,60 и по улице 10,10 саженей. Земля и постройки не закладывались, но все страховалось в Московской страховой кампании в 1912 году на страховую сумму 19 200 рублей, при оценочной 20 210. В построенном здании располагались 24 жилых комнаты, имеющих 45 окон, отапливаемыми 14 печами, в т. ч. 3-мя русскими и 3-мя плитами. Под торговые было отведено 2 комнаты, имеющие 5 окон. Три жилых и одно торговое помещения сдавались. В доме проживали 21 человек.

Двор усадьбы мостился камнем. На его территории находились деревянные пойма и выгребная ямы, на их очистку тратилось 25 рублей в год. 2,20 кв. саженей тротуара было замощено. На его ремонт и мостовой расходовалось по 30 рублей соответственно. Также владельцы оплачивали работу ночного сторожа — 18 рублей.

По адресу: город Ефремов, улица Большая (фасад) и Тургеневская, № квартала 27, № в квартале 9, № городской 702 владельцем усадьбы с постройками указаны наследники купца Нечаева Николая Георгиевича. Усадьба занимала 6115,3 квадратных саженей. Домовладение не закладывалось и не страховалось. В построенном здании располагались 13 жилых комнат, имевшие 13 окон, отапливались восьмью печами, в т. ч. одной русской и плитой. Одно жило-торговое помещение использовалось хозяевами.

Но не всегда хорошо шли дела у купцов Нечаевых. Близ сельца Прилепы Ушаковской волости Ефремовского уезда (в настоящее время деревня Шкилевка Ефремовского района) на 1912 год был расположен винокуренный завод № 51 «Прилепско-Николаевский». Владелец завода являлся купец 1-й гильдии Нечаев Николай Георгиевич. Винокуренное производство Николай Георгиевич организовал на базе сахарного завода, ранее принадлежавшего дворянам Шкилевым и запущенное в 1910 году. В сезон 1911—1912 годов на заводе вырабатывалось спирта 40% содержания 43 100 ведер (517 200 литров) и барды на сумму 2 835 рублей. Стоимость и доходность заводского имущества составляла 28 000 рублей. Но производство оказалось убыточным. Убыток составил 4 777 рублей 56 копеек.

А что же связывало певца Владимира Александровича Нечаева с городом Ефре-

мов? Дед певца — Николай Георгиевич Нечаев (19.12.1858—7.11.1912), купец первой гильдии, уроженец и житель города Ефремова. Отец Владимира Нечаева — Александр Николаевич Нечаев (1870—1939), также уроженец города Ефремова. А выдающийся советский певец Владимир Александрович Нечаев родился в деревне Ново-Малиново Орловской губернии 15 (28) июля 1908 года. Там он провел детство и в возрасте 17 лет (в 1925 году) уехал в Москву на заработки. Все, что связывало певца с городом Ефремов, — это место рождения отца и деда.

И в заключение приведем отдельные факты о том, с какой «благодарностью» относятся к памяти о Нечаевых в городе Ефремове. Выше отмечалось, что о заслугах, сделанных для города, купцами Нечаевыми пишется и говорится много. Но как сохранена память о них в городе Ефремове — это вопрос уже другой. Захоронения членов семьи Нечаевых производили на кладбище в южной части города, где на могилах стояли надгробные памятники с указанием персональных сведений захороненных. В 1988 году на территории этого старинного кладбища начинается строительство радиотелевизионной передающей станции в городе Ефремове. В 1989 году была построена мачта высотой 250 м. При строительстве станции часть памятников с захоронений вывезли с мусором, а отдельные переместили за территорию станции. Около въезда на станцию находятся и три памятника, ранее находившиеся на захоронениях Нечаевых. Эти памятники стоят на произвольно выбранных местах кладбища, т. е. не на местах захоронения Нечаевых. Они имеют повреждения. Чтобы сохранить эти памятники, группа «ефремовских краеведов» каждое место установки памятников обустроили как отдельное захоронение. Все вновь оборудованные места «захоронений» «ефремовские краеведы» теперь называют как некрополь Нечаевых. Еще и еще раз хочется повториться, что современное место нахождения этих памятников — это не место захоронения Нечаевых. Его сейчас не установить. Поэтому нельзя говорить, что это некрополь. А то, что они оборудовали произвольные места, места старых неизвестных погребений как захоронение Нечаевых — это святотатство, неуважение к обрядам христианства.

Чтобы показать значимость в первую очередь своей личности, индивидуальной фантазией отдельные «ефремовские краеведы» переписывают настоящую историю Ефремовской земли. Установка памятников Нечаевых на старых неизвестных погребениях — это один из примеров. Впоследствии будет трудно разобраться в том, какие события имели место происходить, а что является лишь чьей-то выдумкой.

Обустройство «мест захоронения» велось без разрешения, без документов на установку памятников именно на этот участок старинного кладбища. Работники администрации города Ефремова, ответственные за сохранность культурного наследия, проигнорировали работы группы «ефремовских краеведов». Надгробие — это ценный культурный объект. Возможно, и эти памятники представляют культурную ценность. Над этим вопросом никто не работал.

И закончить свой рассказ хочется тем, что подлинная правда в памяти ефремовцев о Нечаевых останется, как о жителях, радевших о процветании города Ефремова Тульской губернии.

(Использованы документы Тульского государственного архива).

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ (Рецензия)

Недавно из печати вышла новая книга под названием «Последний бой»* члена Союза писателей России Владимира Григорьевича Сапожникова, которая содержит ряд прозаических произведений, написанных в разные годы и посвященных разным событиям в жизни нашей страны. Это рассказы: «Последний бой», «Ясновидящая», «Уродливое счастье», «Бомжик», «Тетин номер», «Марсианка», «Извращенец», «Знахарь», «Прерванный ответ», «Эксперимент», «Редкостный феномен», «Огурчик», «С носом», «Остров на реке», «Виктор Николаевич», повесть «Русский доктор».

Владимир Григорьевич Сапожников — доктор медицинских наук, профессор. Работал врачом в Тульских больницах. В разное время в составе бригад медиков оказывал медицинскую помощь строителям БАМа (Новая Чара), в 1988 году возглавлял бригаду белорусских медиков в составе Десанта Детского фонда им. В. И. Ленина в городе Ош (Киргизия). В настоящее время заведует кафедрой педиатрии Тульского государственного университета. Автор более 550 печатных работ. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Его литературная деятельность убедительна и плодотворна, а произведения отличаются достоверностью изображаемых образов. В них стихия природного оптимизма, глубинной мудрости, светлого юмора.

Он не только интересный автор, но и, без сомнения, добрый и умный человек. Человек многогранного таланта. Читателей подкупает его искренность, доброжелательность, желание поделиться своими мыслями.

В его произведениях целый мир человеческих переживаний и звучат вечные вопросы: добро и зло, человек и общество, любовь и ненависть.

Разнообразные фигуры выписаны им со свойственной автору знанием среды, выпукло и реально. Сапожникову не надо выдумывать сюжеты. Они были с ним рядом. Все события взяты им из окружающей жизни и связаны с судьбами известных ему людей. Он не идеализирует их, не скрывает недостатков, пороков, пьянства и хвастовства.

В рассказе «Последний бой» автор реалистически и честно описывает весь ужас положения, в котором оказались безногий девятилетний инвалид Иван Сергеевич Кузьмин и его внучка Оля. В годы Великой Отечественной войны он храбро воевал в разведроту, а в мирное время трудился на шахте. Герой Социалистического труда и кавалер боевых орденов.

Дело происходит на Украине в городе Славянске.

Весной 2014 года, после государственного переворота на Украине, часть населения страны отказалась это принять. Протестное движение на Донбассе набрало серьезные обороты. Для подавления этих выступлений были привлечены нацистские отморозки из «Правого сектора», которые отличались крайней жестокостью в отношении мирных жителей: убивали, грабили, насиловали и пытали людей. Большинство этих «патриотов» попросту оказались банальными садистами и извращенцами.

Когда бандиты из «Правого сектора» ворвались в квартиру Кузьмина и попытались изнасиловать его внучку, он из последних сил, преодолевая боль, застрелил насильников. И, добравшись с помощью Оли до кровати, умер.

Здесь мы видим, что жизнь основана на борьбе светлого и темного, добра и зла. И эта борьба происходит в душах людей.

Пафос творческого поиска пронизывает всю ткань повествования. А эмоциональные эпитеты соотнесены с общим колоритом очерка.

---

* Сапожников В. Г. Последний бой. Проза. Тула: Издательство Тульского государственного университета, 2021.— 230 с.

В основу сюжета рассказа «Бомжик» положена жизнь Василия Андреевича, сын которого погиб в Афганистане, а единственный внук погиб в Чечне. Потеряв всех близких людей, он горюет, скорбит по ним. Еще вчера с ним были любимые люди, а сейчас их рядом нет. Хочется услышать родные голоса, увидеть милые глаза... Но сознание говорит о невозможности этого желания. Эта боль в душе разливается безгранично, и с горя Василий Андреевич запил. Однополчанин внука, отвечая на вопрос старика, почему не удастся захватить бандитских главарей, сказал ему: «Они днем все становятся мирными жителями, а по ночам стреляют, устраивают в лесах засады. Да, к тому же, и не дают порой... Только вычислим, обложим,— идет сверху команда — отойти... И так уже не раз... Все продается, дедуль... А пацаны наши гибнут...».

Эта жизненная драма была знакома многим родителям, потерявшим своих сыновей в Афганистане и Чечне. Это были суровые реалии, переполненные грустью и отчаянием.

Русский человек живет справедливостью. Пока жива в его сердце справедливость, русский человек поднимется из мрака и грязи. Так произошло и с главным героем очерка.

В Москве, после получения правительственной награды внука, он заступился за бездомного мальчишку — «бомжика» и взял его с собой в деревню.

На таких людях стоит Россия. Сила русских в духе, в душе. Не убить русскую душу, а потому Россия будет всегда.

Богат язык этого произведения, а автор обладает талантом и способностью раскрыть характер героя. Очерк многому учит, многое открывает, заставляет прислушаться к голосу своей души.

«Уродливое счастье», пожалуй, самый грустный рассказ Владимира Григорьевича, в котором он с большой обличительной силой рисует облик одной из современных «хозяйек жизни». В нем жизненная дорога главной героини Марии Ивановны — путь разочарований. Она — кандидат наук, создала свою фирму. У нее «появились непривычно много денег, счет в зарубежном банке, новый «Мерседес», охрана, частые поездки в другие страны...».

Возгордилась. Стала высокомерной по отношению к другим людям. И она пытается оградить себя от всего того, что может помешать ее успеху и эйфории.

Эта женщина поражена самонадеянностью и верой в то, что она все может сама, а не с помощью и по воле Бога.

Разбогатев, к мужчинам стала относиться настороженно и недоверчиво. Автор показал нам жизнь этой женщины во всей ее уродливой «простоте». Когда требовалось удовлетворить физиологическую потребность, она за деньги вызывала «партнера», готового исполнить любой ее сексуальный каприз.

Но каждый человек хочет быть счастливым. А это понятие неразрывно связано с любовью, наличием семьи, детей, заботой, помощью и жертвенностью. Любовь захватывает, увлекает, наполняет жизнь красками, она задает смысл. Внимание и любовь родных всегда приятны, дают ощущение полноты жизни.

Всего этого в жизни героини рассказа не было, но ей очень хотелось иметь ребенка. И она, пройдя за границей через искусственное оплодотворение, родила сына — дауна.

Заканчивая рассказ, автор задает вопрос и сам же на него отвечает: «Судьба — злодейка? Как ты бываешь порой беспощадна к человеку... Особенно, если он пытается что — то исправить вопреки тебе и природе».

В «Знахаре» Владимир Григорьевич рассказывает о своем отце и прадеде-знахаре, большом труженике: «Все в домашнем хозяйстве делал своими руками: и косил, и плотничал, и шил лучшие в округе сапоги... Кстати, по этой причине в смутные времена гражданской войны и революций, как сам рассказывал, и сменил свою прежнюю фамилию на фамилию «Сапожников»...

Автор показывает, как люди поддерживали и спасали друг друга в годы Великой Отечественной войны, в трудной ситуации, проявляли внимание, пытались порадовать чем — либо. О прадеде Владимир Григорьевич вспоминает с обожанием и любовью. И тот этого, действительно, заслуживает своей долгой и светлой жизнью.

Владимир Григорьевич пишет: «Его похоронили на холме, на деревенском кладбище над излучиной реки среди могил многочисленной родни и земляков. Я думаю, что ему там спокойно. Когда изредка оказываюсь на малой родине, ощущаю, что здесь по-прежнему живет его неугомонный, невидимый, добрый дух. Дух настоящего русского знахаря. Колдуна, если хотите.

Ну, а я выучился на врача. Занимаюсь врачеванием, лечу людей традиционными методами. Единственное, замечаю, что больные дети быстрее выздоравливают, если поглажу их рукой по голове. А сами маленькие пациенты часто признаются, что им кажется, как моя ладонь излучает тепло. Я этому не удивляюсь — кое-чему прадед успел все-таки меня научить, и завещал обязательно использовать эти во многом необъяснимые пока моменты при проведении терапии».

Я думаю, что правнук сегодня очень порадовал бы прадеда своими талантами и тем, что продолжил дело, начатое старшим членом семьи,— лечение людей.

Многие произведения Сапожникова окрашены добродушным юмором («Огурчик», «Тетин номер», «Ясновидящая», «Эксперимент», «Редкостный феномен», «С носом», «Извращенец», «Виктор Николаевич»), который проявляется и в характеристиках, и в положениях.

Юмор бывает разный. Умение добрым юмором коснуться характера, поведения другого человека, но сделать это безобидно — очень трудный навык. Писатель с этим достойно справляется, изображая череду нелепых и смешных комических ситуаций. Он использует юмор не для жестокого обличения пороков, а для мягкого указания на человеческие недостатки.

Смех спасает нас от жестокости и несправедливости. И как писал Федор Михайлович Достоевский: «Если хотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или как он волнуется благороднейшими идеями, а смотрите на него лучше, когда он смеется. Хорошо смеется человек — значит, хороший человек».

В очерке «Остров на реке» описывается поездка двух молодых парней Сергея и Володи на Оку и связанные с ней размышления об отношениях между мужчиной и женщиной. Остановились они и разбили палатку на речном островке, отдыхают, плавают, мечтают, любят окружающую природой:

«Стало совсем сумрачно. Луна бельмом повисла на темно-синем небе, освещая притихшую реку, уже окутанную загустевающим туманом, из которого кое-где по берегам Оки светились огоньки костров. Остров, казавшийся в этот час более таинственным, почти необитаемым, темный лес на ближайшем берегу, живущий своей непостижимой жизнью, все вокруг заключало в себе какую-то загадку».

Пейзаж полон глубокого смысла, создает определенное настроение. В нем стирается грань между изображением природы и переживаниями героев.

В повести «Русский доктор» представлен богатейший материал для анализа душевных и моральных переживаний главного героя Степанова Сергея Владимировича. Повесть посвящена участникам Десантов Детского Фонда в Среднюю Азию для оказания медицинской помощи больным детям Киргизии.

Читая это произведение, мы совершаем открытие за открытием, получаем широкое представление о деятельности медицинских работников. И понимаем, что медицина для истинного врача больше чем профессия — она образ жизни.

«Каждый писатель, до известной степени, изображает в своих сочинениях самого себя, часто даже вопреки своей воле», — писал И. Гете. Это утверждение в полной мере относится и к Владимиру Григорьевичу Сапожникову.

Повесть — яркая, живая. В ней поэтизируется честность, бескорыстие медицинского персонала. Сюжет находится в постоянном движении, развитии. Такое выдумать невозможно. Это нужно прочувствовать и понять. В каждом персонаже автор подмечает черты, свойственные только данному типу людей. Дарование писателя разностороннее — он с одинаковым успехом рисует как жанровые картинки, так и живые портреты людей.

Юмор разбавляет повесть, делает ее более легкой для восприятия. И, конечно, поднимает настроение читателей. Он делает серьезное смешным и показывает, что в каждом недостатке есть продолжение достоинства. Поэтому художественная литература и юмор неразделимы.

Большое внимание уделяется автором характеристике моральных качеств и особенностей взглядов персонажей повести. В них столько добра и гуманности, что они волей — неволей находят отклик в сердцах читателей.

Интересен и язык произведения, хотя эпитеты и метафоры употребляются довольно скупно.

Их автора отличает точный и ясный язык, простота и естественность, с которой он облачает свои мысли.

«В простоте слова — самая великая мудрость: пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги», — говорил Максим Горький.

Произведения Владимира Григорьевича Сапожникова стали откликом на отдельные факты общественной жизни нашего общества.

Он учит житейской мудрости, честности, бескорыстию, уважению к человеческому достоинству. Принцип «соразмерности и сообразности» является руководящим принципом писателя.

В его творчестве отразились глубокие раздумья над смыслом жизни. Они пронизаны болью, душевными муками и переживаниями автора.

Как видим, Владимир Григорьевич с поставленной задачей справился достойно и находится в прекрасной творческой форме. И я абсолютно уверен в том, что из-под его пера выйдет еще не одно прекрасное произведение. Книга получилась, читается с увлечением и, несомненно, найдет благодарного читателя.

*Евгений Трещев
(г. Щекино)*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ НИКОЛАЯ МАКАРОВА «ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ»

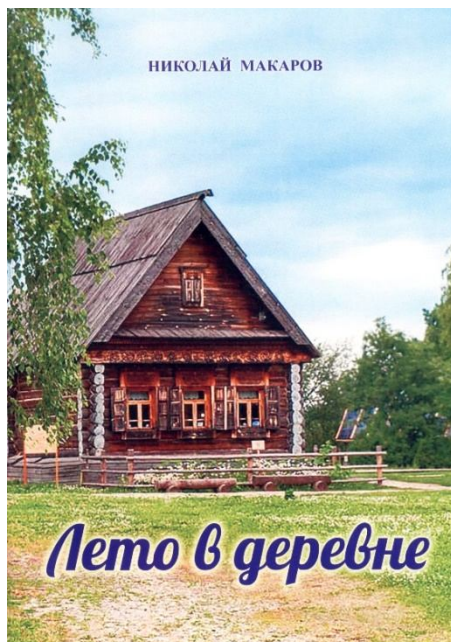
Книжка рассказов Н. А. Макарова «Лето в деревне» написана для детей.

Сюжеты не замысловаты: мальчик Алеша, приехавший на отдых в деревню к бабушке и дедушке, каждый день открывает для себя мир. Ежедневно мальчик сталкивается с новыми для него ситуациями и складывает в свою копилочку правила жизни хорошего человека.

Рассказы написаны простым языком, читаются на одном дыхании и вызывают ощущение релакса, возвращая читателя мыслями в собственное детство. В этом заслуга автора, очень тонко подметившего и точно передавшего все нюансы детского восприятия мира.

Незаметно для себя юный читатель постигает азы мудрого отношения к жизни, учится понимать и принимать окружающее таким, как оно есть, формируя при этом собственное мнение. Ненавязчивые поучения выглядят естественно и становятся аксиомой, потому что в контексте каждой ситуации являются оптимальным решением. Подтверждение истины кроется в диалогах, умело построенных автором с учетом возрастных особенностей героев книжки и их жизненного опыта.

Похожее ощущение испытываешь, читая рассказы для детей Л. Н. Толстого, считавшего важным свойством детской литературы простоту сюжета, лаконичный язык и эмоции, которые обогащают психику ребенка. Все эти особенности в полной мере раскрыты Н. А. Макаровым. Для детей эта книжка может стать маленьким учебником жизни почти до подросткового возраста, а для взрослых — своеобразной терапией, хоть ненадолго способной вернуть человека в его счастливое детство.

*Татьяна Михеева,
заведующая Тульской
модельной библиотекой № 3
имени В. Ф. Руднева*

«ПОЧЕМУ ЖЕ НЕЛЬЗЯ БЫТЬ КРАСИВОЙ ТАКОЙ?»

В канун Нового года гостем «литературной гостиной» журнала «Приокские зори» стал известный российский поэт — песенник, лауреат премии им. Горького, лауреат премии Ленинского комсомола — Михаил Андреев. Автор многочисленных хитов, таких как: «Отчего так в России березы шумят...», «Тополиный пух», «Самоволочка», «Потому что нельзя быть красивой такой...» и др.

Песни на стихи М. Андреева исполняют группы «Любэ», «Иванушки International», «Белый орел», «Золотое кольцо», «Фабрика», «Корни», а также Вячеслав Добрынин, Михаил Шуфутинский, Софья Ротару, Александр Малинин, Дима Билан и др.

Член союза журналистов России Николай Тимохин поговорил с поэтом о его жизни и творчестве, задав ему несколько вопросов:

Николай Тимохин: Здравствуйте, Михаил! Прежде всего, поздравьте с наступающим Новым годом! И пожелать Вам всего самого доброго и новых творческих успехов! Что для Вас — празднование Нового года? Отмечали ли Вы его как-то необычно, так, что очень запомнилось?

Михаил Андреев: Вся наша семья очень любит Новый год. Это всегда неожиданные приключения, неожиданные подарки, немного грустно, правда, бывает, потому что через несколько дней, 6 января, мой день рождения. Поклонницы песни «Тополиный пух» в этот день под мои двери накидают много целлофановых пакетов с тополиным пухом. Насобирают его летом, потом до зимы берегут. Так жизнь и идет.

Н. Т.: Читателям журнала интересно знать, любите ли Вы зиму и есть ли у Вас стихи о природе?

М. А.: Больше всего я люблю зиму. До 18 лет я жил в деревне, где зимой после школы обязательно на лыжах можно уходить далеко в лес. Зимой в Сибири много солнца. Радостное настроение. Мне кажется, у меня все стихи о природе, но присутствие человека там всегда обязательно. Даже песня «Потому, что нельзя...» начинается так: «Отлетела листва, у природы свое обновление, и туманы ночами стоят и стоят над рекой, твои волосы, руки и плечи твои — преступление, потому что нельзя быть на свете красивой такой...».

Н. Т.: Михаил, в 1981 году у Вас вышла в свет первая книга стихов «Лиственный свет» в издательстве «Молодая гвардия». А уже через год Вы стали членом Союза писателей СССР. Это пример, достойный подражания. Когда Вы почувствовали себя поэтом, когда написали свое первое стихотворение? О чем оно было?

М. А.: В детстве приходилось косить с родителями много травы, и первые поэтические наблюдения были такими: трава на цыпочки встает, чтоб раньше всех увидеть солнце. Видимо, я вначале научился косить сено и ощутил себя при этом поэтом, а потом научился писать.

Н. Т.: Иосиф Бродский, лауреат Нобелевской премии по литературе, написал в предисловии к Вашей книге «По материнской линии»: «Его стихи привлекают своей угловатостью, пристальностью и настороженностью взгляда на мир. Обладание подобными качествами делает присутствие этого поэта в литературе реальным». Расскажите об этом. Как Вы отнеслись к столь высокой оценке Вашего творчества?

М. А.: Я в то время жил в Сибири, в Томске. Помню, открыл почтовый ящик, а там письмо. Я прыгал через несколько ступенек на пятый этаж. Радости не было предела. Потом текст этого письма перепечатывался в Москве, в центральных изданиях. Для всех это было что-то невероятное. Была в то время для всех трудная жизнь. Я тоже метался. Надо кормить семью. Единственная возможность заработать — это ездить в Китай за вещами и у себя продавать. Но письмо Бродского распрямило мне спину. Я понял, что на верном пути. Семья меня поддержала. Так я не бросил поэзию.

Н. Т.: Фраза из Вашей одноименной песни «Потому что нельзя быть красивой такой» давно уже стала в народе крылатой. А все — таки, можно ли быть красивой? И что лучше — красивая или умная?

М. А.: Это стихотворение я написал в институте. По тексту виден юношеский почерк. Так любить мог только подросток. Но умная все же лучше, это я понял, через очень много лет. Я также понял, что любовь в жизни каждого человека — самое важное, самое главное. Это мы иногда забываем. Даже суп жена должна варить любимому с любовью, иначе, научно доказано, что кристаллы воды изменяют симметрию. Это вредно.

Н. Т.: Что есть в Вашем понимании красота вообще? Действительно ли красота спасет мир? И что делать тем женщинам, кто, может быть, не считает себя красавицей?

М. А.: Красота, конечно, не спасет мир. Плохой человек, вооружившись красотой, будет продолжать делать плохие дела, а хороший — хорошие. Женщин некрасивых не бывает. К примеру, когда они вынашивают ребенка, они просто красавицы.

Н. Т.: Михаил, когда я пишу стихи о любви, чаще всего у меня рождается какой — то собирательный женский образ. Ваше стихотворение «Потому что нельзя быть красивой такой» Вы посвятили какой-то конкретной женщине?

М. А.: Это, конечно, конкретный человек. Красивая женщина. Когда-нибудь я расскажу очень подробно о ней, не пропуская ни одного сантиметра, в том числе и из ее биографии. Эти стихи родились от невероятно сильной любви. Я не находил себе покоя. Я метался, как колонок на льдине. Я не спал ночами. Потом все это вылилось в стихотворение, которое вы все знаете.

Н. Т.: В хорошей песне главное все: и музыка, и стихи, и исполнение. И все же, Михаил, чтобы она состоялась, что важнее? И о чем, на Ваш взгляд, сейчас надо написать, что сказать, чтобы эту песню запели все и она стала хитом?

М. А.: У «Любэ» есть песни на мои слова «Главное, что есть ты у меня» и «Трамвай пятерочка». В этих, как и в других песнях, есть душа, это в песне главное. При этом музыка должно точно лечь на слова. Это невероятно сложно сделать. Если это получается, мы от радости просто прыгаем, как дети. К сожалению, случается это не слишком часто. То музыка лучше, то стихи величавее.

Н. Т.: Ни для кого не секрет, что большинство современных песен «не страдают» глубоким смыслом. Об этом уже не раз писалось и говорилось на самых разных уровнях. И не потому это случается, что перевелись поэты-песенники или общество стало менее образованным. А может быть, это от того, что в наше время больших скоростей и мгновенного принятия решений в различных ситуациях люди не хотят задумываться над текстами?

М. А.: Если в песни нет высокохудожественного охвата мира, современности — песня долго жить не сможет, она надоеет в первую очередь вначале самим исполнителям. Создать песню — это значит разгадать какую-то важную для людей тайну. Песенный текст отличается от непесенного текста, как невоспитанный ребенок от воспитанного.

Н. Т.: Несколько лет назад Вы переехали жить в Москву. Одна из Ваших читательниц недавно так охарактеризовала Ваше творчество: «...мне кажется, что в Москве у Михаила появился совершенно особенный флер в стихах, какой-то неуловимый подтекст...». Можно ли отсюда сделать вывод, что «белокаменная» как-то по-новому повлияла на Вас? Или все-таки связь с Вашей исторической родиной, Томском, — неразрывна?

М. А.: В Томск я приезжаю очень часто. Для меня неважно, где писать. Все в голове и сердце. А их я вожу с собой всегда. Но много у меня стихов и песенных текстов просто из воспоминаний детства. Группа «Любэ» поет на мои слова такую песню:

*Что я в жизни успел? —
Дед сосчитать велел.
Я прошел до конца
курс молодого бойца.
Место нашел у реки,
где лучше клюют окуньки,
за руку сына водил,
правду ему говорил,
правду ему говорил,
хоть и не было сил.*

Н. Т.: Я знаю, что песни на Ваши стихи исполняют Вячеслав Добрынин, Михаил Шуфутинский, София Ротару, Дима Билан и многие другие звезды российской эстрады. Есть ли у Вас исполнители, для которых Вы специально пишете песни? С кем из певцов Вам больше всего нравится работать и почему?

М. А.: С Игорем Матвиенко мы написали более 30 песен. Дружим семьями с Расторгуевым и «Иванушками». Без общения трудно писать, да и жить. Общение в жизни главный элемент. Когда я жил в Томске, Расторгуев с сыном специально два раза приезжали к нам в гости — поглубже изучить Сибирь. Уезжали на снегоходах далеко в тайгу. Огромные чувства охватывали нас. Я любовался своей родиной. Коля смотрел на огромную Россию.

Н. Т.: В нашей короткой беседе невозможно вспомнить все Ваши известные песни. Но песня «Отчего так в России березы шумят...» — это своего рода гимн России. Конечно, в одной песне трудно описать всю любовь и все чувства к своей родине. И все же, что для Вас — Россия?

М. А.: Россия для меня это и Сибирь, и Москва. Но главное — люди, одноклассники, с которыми я сидел за одной партой.

Н. Т.: На одной из Ваших фотографий Вы прижимаете к себе медвежонка. Расскажите об этом фото. И каких животных Вы любите? Пишете ли о них?

М. А.: Больше всего я люблю лесную птицу рябчика. Я осенью специально из Москвы приезжаю послушать, как он поет в лесу около Томска. Медвежонок на руках у меня оказался случайно. Он маленький, но уже кусается больно. Сейчас он взрослый медведь. К нему с любовью относятся в одном их охотничьих уголках Сибири.

Н. Т.: Михаил, откройте секрет, над чем Вы сейчас работаете? Что пишете?

М. А.: Так получилось, что я пишу каждый день. Много замыслов. Я пишу не только песенные тексты, где надо для капризной музыки оставлять пространство, но и стихи. В начале 2023 года должна выйти очередная толстая книга.

Н. Т.: У журнала «Приокские зори» большая читательская аудитория. И от ее лица я хочу поблагодарить Вас, Михаил Васильевич, за столь интересную и незабываемую беседу. Что Вы можете пожелать нашим читателям?

М. А.: Друзья, любите близких, будьте терпеливее, внимательнее к ним. Им это необходимо. Я на себе все это испытал.

